

СВИДЕТЕЛИ ПОДЧУНОИ

Кривые

Русская "Темная академия",
психологический детектив, в котором
реальность путается с фантазией

Беспощадная яркость Москвы, погоня от
безумия, бессмысленная борьба против
системы и дружба, которая стоит всего

**ЕКАТЕРИНА
АЦЕНС**

18+

Екатерина Аценс
Свидетели под одной крышей

«Автор»

2023

Аценс Е.

Свидетели под одной крышей / Е. Аценс — «Автор», 2023

Казимир, студент престижного московского университета, не попадает на стажировку и остается один в группе. Такое событие легко можно пережить. При условии, что в темных коридорах вуза вас не преследуют неизвестные, способные на любое зло... Противостояние между студентами перерастает границы юношеской игры. Казимиру предстоит пойти на сделку с собственным рассудком, чтобы выжить. Один студент против тайного сообщества — шансы невелики. Но они есть.

© Аценс Е., 2023

© Автор, 2023

Екатерина Аценс

Свидетели под одной крышей

Глава 1. Побег труса, принесший спасение

С самого начала занятия – это была история искусства, голландская школа портретистов, мелькающие на ткани проектора мазки тяжеловесных красок, – все пошло странным и непривычным для нас образом. Честно признаться, когда учишься на вечернем отделении в Государственном Университете имени Ф. Ротха, существующая вокруг тебя, как студента, реальность начинает приобретать прямо противоположные значения: «хорошо» – это когда в другом вузе было бы «плохо», а «плохо» – когда на нашем бы месте ценящие себя и свое время студенты подали бы документы на отчисление. Парадоксальным образом мы верили в то, что в других университетах не лучше, и, обучаясь здесь по нашему совершенно одухотворенному направлению «Культурный антрополог», нам открывается недоступная для всех остальных дверь, за которой ждет блестящая карьера, деньги и признание научного сообщества. По крайней мере, так считал я – потому что единственный из всех присутствующих в кабинете изредка поднимал глаза на презентацию по голландской живописи. Преподаватель был молодой и нервный; в пыльном кардигане в серую полоску, со следом от острого соуса на уголке губ, о котором никто из нас не решился ему сказать. Ерзающий, вздрагивающий от шорохов копошащейся в сумке старосты, он напоминал мне такую здоровую, домашнюю, откормленную до размера маленького котенка крысу. Таким же острым и боязливым взглядом он порой смотрел на меня, замечая, что я разглядываю карикатурные лица персонажей Яна Стена; наверное, именно эта деталь – его крысиный взгляд – подсказала мне характер его дальнейших действий. С долей самоуверенности он мерзко протянул между зубов имя, которым я сам себя никогда не называл, и ласково произнес:

– Если вы так заинтересовались творчеством Яна Стена, я могу на следующее занятия принести хорошенький томик по голландской живописи, – он довольно похлопал себя по коленям. – Там очень плотная и дорогая бумага, каждая иллюстрация отлично пропечатана! Я в ваши годы был такой же – тянуло к искусству, как к магниту.

– Спасибо, – я вежливо улыбнулся, но через медицинскую маску на пол-лица это отразилось только на морщинах вокруг глаз, а мои круглые, здоровые очки блестели противным лимонным бликом от ламп, поэтому вместо моего лица он видел что-то довольно абстрактное, – было бы здорово. Если вам не сложно...

– Не сложно, конечно, не сложно! – он снова хлопнул себя по коленям.

Староста, сидящая в другом конце кабинета, зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться вслух, и снова принялась копаться в сумке – клянусь, каждые десять минут она доставала оттуда батончик с кокосом и начинала его тихо жевать, и каждый раз она долго смотрела на меня, ожидая, что я попрошу у нее тоже, но я вежливо качал головой, отказываясь. Ни в ее поведении, ни в словах молодого преподавателя не было ничего такого особенного, что могло бы заставить меня насторожиться. Но чем спокойнее становилось в аудитории, чем легче в ней дышалось пропитанным пылью воздухом, чем непринужденнее становилась нудная лекция, чем мягче мозолили глаза мелькающие за окном огни засыпающей дороги, тем яснее становилось – скоро случится что-то особенно плохое. Не было ни дня в нашей университетской жизни на вечернем отделении, в течении которого мы не чувствовали бы за своими плечами тяжелое дыхание застывшего над нами злого издевательства судьбы. Это превратилось в рутину. Однако все мы прекрасно понимали, что ставшая для нас привычной ненормальность происходящего не будет казаться таковой для новенького молодого преподавателя. Вот он и ерзал все время на месте – может, подсознательно ощущал, что последует после. Я взглянул на часы

– до конца занятия оставалось еще сорок минут. Два раза по двадцать, четыре – по десять. За такой щедрый отрезок времени можно было бы уместить целую жизнь какого-нибудь микроорганизма или разрушить полмира. Нам, как студентам, была предначертана лишь одна участь – мука ожидания конца пары.

Мое мировосприятие всегда отличалось особой внимательностью к деталям. Те последние несколько минут нашего мирного существования я запомнил мелким подрагиванием ладоней старосты, скрипом шин у проезжающей по узкой дороге перед нашими окнами легковой машины, медлительной дробью капли, бьющей по железной трубе со стороны улицы, тяжелым дыханием сидящего возле меня одноклассника; помню, когда поднял на него взгляд, он посмотрел на меня в ответ – на дне его болотных глаз тяжело осел горчичный блеск паники и беспомощности, как у антилопы, зажатой мощной челюстью аллигатора. Не знаю, что в тот момент отразил мой взгляд, – то ли вспышку отчаяния, то ли надежду на лучший исход для нас всех – но потом мне стало не до этого: ушли на второй план шорохи и скрипы, запах пыли, гул машин, взгляд одноклассника, мелькающие в моей голове образы желто-оранжевой пасти крокодила и кадры из документального фильма про животных. Раздался грохот – и в нашем кабинете погас свет. Экран проектора пошел рябью. Вся наша маленькая группа, состоящая из шести человек, замерла на своих местах; мне показалось, что мы превратились в единый организм. Дышали мы в одном темпе; наши частые, тихие выдохи и вздохи зазвучали в унисон. Даже гул от выключающегося компьютера напомнил мне тогда паническое дыхание загнанного животного. Преподаватель застыл на месте. Нелепый в своей глупой беспечности, он хрипло рассмеялся – от звука его каркающего смеха мне сделалось так не по себе, что вспотели ладони.

– Что это еще за фокусы? – негромко произнес он, оглядывая нас вопросительным взглядом. – Нам отключили электричество в здании, что ли?

Мы молчали. Со стороны коридора раздалась громкие, тяжелые шаги; перед дверью нашего кабинета кто-то пробежал, потом хлопнула дверь – с такой силой, что, должно быть, практически сорвалась с петель. Несильно, но громко ударили по стене, примыкающей к нашей аудитории; от испуга я подскочил на месте, преподаватель схватился за край стола, бледнее лицом, староста на другом конце кабинета медленно поднялась на дрожащих ногах и знаком показала мне придвинуть стул к двери. Тихо, практически бесшумно передвигаясь по старому паркету, я послушался ее. Чем ближе я подходил к двери, тем отчетливее слышал беспорядочный шум по ту сторону от нее: кто-то матерился под нос, бренчали цепочки, половицы старого, криво стесанного пола заходились отчаянным скрипом от чьих-то грубых шагов. Стоило мне придвинуть стул к двери, – так, чтобы ее нельзя было отпереть – раздался оглушительный грохот. Мне показалось, что в соседнем помещении проломили стену, но вряд ли они дошли бы до порчи здания университета. Нас запугивали. Над нами издевались. Я взглянул на старосту – ее бледное, изможденное лицо лишилось всей живости, взгляд потух, глаза превратились в темные впадины на ее осунувшемся лице.

– Что происходит? – преподаватель вжался в компьютерное кресло. – Почему вы все молчите? Кто там, что они делают?

– Разве вам не сказали, почему платят в два раза больше за работу в вечернее время? – староста тяжело опустилась на стул.

– Сказали, что, – он вздрогнул и боязливо посмотрел на дверь. Шаги затихали, – что студенты, бывает, шумят в коридорах. Я... Я не думал, что шумят настолько сильно... Это же срывает учебный процесс! Мне нужно сообщить... Нет, я не могу. Мне нужно позвонить!

– Связь не ловит, – я пожал плечами. – Странно, обычно к нам посылают преподавателей, которые в курсе всех... Тонкостей. Почему вы тогда согласились приходить? Вас же предупреждали.

Снова раздался грохот – и гадкий, лающий смех. Они испытывали наше терпение.

– Это возмутительно! – преподаватель вскочил на ноги. Его кардиган с объемными пуговицами перекосило в сторону, когда он принялся беспокойно вертеться, собирая разбросанные по столу бумаги. – Я не могу работать в таких условиях! Я вынужден – заметьте, *вынужден* покинуть вас! Наше занятие вам возместит другой преподаватель.

– Вы шутите? – молчащая до сих пор одnogруппница выпрямилась на своем стуле; от ее тяжелого, блестящего презрением взгляда даже мне сделалось не по себе, преподаватель и вовсе ошарашено замер, роняя на пол засаленные бумажки с конспектами. – Если вы уйдете посреди занятия, ничто не остановит их от того, чтобы зайти в кабинет. Ваше присутствие – единственное, что им мешает. Только преподаватели не трогают, они не хотят попадаться им на глаза. Как только вы уйдете, они ворвутся к нам в кабинет, и неизвестно, что с нами сделают.

– Кто это, «они»? – искусствовед нагнулся, чтобы дрожащими пальцами ухватиться за край бумаги; неосторожным движением он смял ее, принялся торопливо записывать к себе в сумку. – О ком вы вечно говорите? Это вы о тех негодях, которые шумят в коридоре? Так я выйду, поговорю с ними! Не бойтесь, моего авторитета хватит, чтобы они больше не безобразничали!

– Вы идиот? – староста вся дрожала: то ли от злости, то ли от паники. Я взглянул на свои ладони – тремор у меня был не меньше. – Мы третий год это терпим, ни один преподаватель не смог с ними договориться, им не важно ничье мнение, третий год мы учимся закрывать на это глаза, ходим по коридорам только в сопровождении преподавателя, трясемся от страха, когда выходим из вуза. Третий год ходим в деканат и жалуемся, и нам обещают разобраться с проблемой. Разобрались? Да им наплевать! И на ваши жалобы им будет насрать! Если уйдете сейчас, то подставите всех нас. Неизвестно, что будет, если мы останемся одни. Вам совесть позволяет быть таким трусом?

– Я не трус, – преподаватель схватился за стул перед дверью и резко отодвинул его в сторону; испуганный, практически не понимающий ничего от накотившего ужаса, я вскочил на ноги и попытался схватить искусствоведа за плечо, чтобы остановить, но он уже стоял на пороге – дверь была широко распахнута, позади зияла черная пасть стихшего коридора. – Я просто ценю свою безопасность! Простите. Я *вынужден* уйти.

И он бросился бежать. Его неказистая фигурка быстро растворилась в темноте: коридор, подобно черной дыре, поглотил все оттенки его пыльного кардигана и стрелчатых брюк. Чудом я успел захлопнуть дверь прежде, чем тишину разбил гул уверенных шагов. События завернулись, как дрожащая пластинка с пестрой картинкой в стиле поп-арт – в моей голове как наяву зазвучал жизнеутверждающий мотив, запел саксофон и покладистый голосок скрипки. Под взрыв радостных гитарных аккордов мы навалились на дверь, пока староста вместе с двумя одnogруппницами двигали преподавательский стол. Дверь сотрясалась от ударов; мой слух ласкал мягкий мужской баритон, и я представил себя в пропитанном сигаретным дымом зале. Там был приятный полумрак, за моей спиной шептались, рокошуще играясь согласными звуками, британцы. В смокинге, вальяжно развалившийся в бархатном кресле, я сидел перед сценой – грохот ударов по хлипкой двери нашего кабинета превратился в аккуратное цоканье каблуков танцовщиц; передо мной, улыбаясь голливудской улыбкой, стоял молодой Энгельберт Хампердинк. Уверенно подмигнув мне, он схватился за микрофон; совместными усилиями девочки начали двигать дубовый стол к двери, чтобы ее нельзя было открыть со стороны коридора, но, стоило Хампердинку в моей голове начать первый куплет «A man without love», дверь сотряс удар такой силы, что меня и одnogруппника швырнуло на пол. Пластинку заело на одной фразе. В моей голове запищал белый шум; падая, затылком я грубо приземлился на выступающий вперед деревянный плинтус.

– Черт! – староста всхлипнула и осела на пол, – Черт возьми! Как я устала от этого. Черт!

Корявый скрип медленно открывающейся двери заставил нас всех замолчать. Как беспомощнодвигающийся по сухому асфальту дождевой червяк, я стал отползать вглубь кабинета,

пока не уперся спиной в острые металлические ножки стула. Казалось, сам воздух загустел и замер – превратился в желе, и дышать им сделалось так же тяжело, как если бы мне в глотку стали проталкивать железные куски. Тишина опустилась на нас плотным коконом. За дверью была темнота длинного коридора – в нем не было ни одного человека, но мы все чувствовали чье-то присутствие. Может, они прятались по углам? Может, успели убежать? Может, заняли свободные кабинеты и ждали, когда мы выйдем, чтобы наброситься? Самое отвратительное, самое мерзкое и гадкое, что мы ощущали в тот момент, было незнание. От него у меня царапала желудок паника и сводило в страхе зубы. Мы знали, что они сделали с нашей бывшей старостой – прогулка в одиночестве по темному коридору, и на следующий день она звонит нам из больницы. Ее скинули с лестницы, и не знаю, чем успели еще запугать, раз до сих пор она говорила, что поскользнулась сама, винить стоит только ее собственную неуклюжесть, и никогда в жизни она не слышала никакой шум во время занятий вечером, никогда не сталкивалась с издевательствами в ГУ им. Ф. Ротха. Нас ждало что-то еще хуже – так я думал, когда тихие шаги приближались к нашей широко распахнутой двери. Никто из нас не нашел в себе силы сдвинуться с места, чтобы закрыть ее – наверное, накатившее на меня отчаяние сделалось обще ощущаемым чувством.

– Наплевать, – староста тихо всхлипнула, – мне уже наплевать.

В том, как неуклюже она принялась шуршать пакетами в своей огромной сумке, я понял желание достать кокосовый батончик – предложи она мне его тогда, и я бы согласился.

Тишину коридора тонко разрезал свист. До сих пор не знаю, что за мелодия это была, но в тот момент она показалась мне самой прекрасной и зловещей одновременно; ноты опускались и поднимались вверх, взлетали выше, отлетая эхом от бетонных стен, и негромкие, быстрые шаги звучали словно аккомпанемент для этого свистящего соло. Потом нам в глаза ударил свет.

Это был первый раз, когда я увидел ее. В тот момент она показалась мне женским воплощением Клинта Иствуда. Медленно я пополз взглядом от ее сапог с широким голенищем к ремню – металлическая пряжка зазвенела, когда она переставила ноги. В руке, подобно револьверу, она сжимала большой черный фонарик, и нижняя часть ее тонкого лица оттенялась холодным светодиодным рефлексом. Мне сделалось абсолютно ясно, что на фоне должен был заиграть саундтрек из спагетти-вестерна – в моей голове он давно звучал во всю, в моей голове она стояла не на пороге обшарпанной двери, а посреди тexasской прерии, с ковбойской шляпой на затылке и спиралью лассо около бедра, и позади ее статной фигуры, на дрожащем от жары горизонте скакала черной стрелой взмыленная кобыла, ударялась копытами о желтую крошку камня; скрипела далекая железная дорога, перебирая маслянистыми колесами поездов, как насекомое – тонкими лапками, хрипел пьяным смехом шумный трактор, звенело золото, пели рикошетом револьверные пули. Улыбаясь сквозь дымку поднявшегося в воздух песка и пыли, она произнесла хриплым голосом:

– Не бойтесь. Я ваш новый куратор.

И горячий южный ветер сурового американского штата взметнул в воздух копну ее кудрявых красных волос.

– Можете звать меня Евой.

Глава 2. Вознесение

Страх был прямо противоположной ее существу стихией. Каждое отточенное уверенностью движение Евы было полно смелости и несвойственной нам беспечности – как будто медленная поступь старшекурсников по старому паркету коридора была частью нашего воображения, как будто никто и ничто нам не угрожало, как будто мы были обычными третьекурсниками, в голове у которых были мысли только о тех студенческих проблемах, которые понятны всем: сессия, долги, лень, курсовая. Ева не осталась стоять в дверях; она села на криво стоящий дубовый стол, свесила вниз ноги, каблучки на ее старомодных ковбойских сапогах уда-

рились о деревянную поверхность, и этот глухой стук на несколько минут стал единственным звуком, который раздражал мой слух. В нелепой и жалкой позе распластавшись на полу, я так и продолжил смотреть на нее – снизу вверх, как собачонка на свою хозяйку.

– Кураторов они тоже не трогают, – Ева засмеялась взглядом, когда увидела меня; какая-то детская задорность читалась в добром блеске ее светлых глаз, – Я по совместительству преподаватель, работаю в деканате, курирую вечерние группы. Жаль, что раньше не добралась до вашей группы: было слишком много дел. Насколько я знаю, у вас это последний день перед стажировкой? Завтра уже уезжаете за границу?

– Все, – я поднял руку, – кроме меня.

Это была моя до абсурда несправедливая участь – каждого неудачника из нашей группы ждали кирпичные стены новенького чешского университета в неоклассической клетке плоских колонн, пикники на салатовой лужайке – такого же сочного зеленого оттенка как блестящая спинка ядовитой квакши; их ждали светлые аудитории и приветливые лица новых знакомых, роговая оправа очков на носу уважаемых профессоров, сахарный аромат от горячего какао в чистой столовой, подносы с едой, скрип тувель по пластиковому паркету. Почему-то я был уверен: пахло там жирными листьями алоэ и кипарисом, в каждом аккуратном пространстве уютных кабинетов стоял запах соленого арахиса и бумаги, персикового чая со сладкой мякотью на дне стакана. На полгода мне было суждено остаться одному. Меня ждали желто-серые стены, кривые устья трещин на каменном потолке, болотный свет моргающих от усталости ламп, неприятный запах – бетон, пыль, влажная древесина, старость, дождь с полупрозрачными хлопьями снега. Кто бы знал, почему мне так не повезло. Кто бы ответил: почему на меня одного не хватило места? Деканат пожимал плечами – «Что-ж, остается Вам только присоединиться к другой вечерней группе, будете посещать с ними занятия»; «Вы уже приходили к нам на прошлой неделе – ответ остался прежним, мест на стажировку не осталось, мы сожалеем»; «Не забудьте закрыть дверь – вот так, ручку надо два раза вниз опустить, ее еще не починили!». Я хотел им ответить – и не починят. Ручку два раза надо было опустить уже как третий год. Деканат на любые жалобы, просьбы, вежливые или не очень, пожимал плечами с прежней беспечностью; сидящая за столом тучная женщина хранила в своем стеклянном взгляде удивительно хорошо читаемое безразличие. Порой мне казалось, что она не слышит, что ей говорят – как будто она была роботом, не воспринимающим человеческую речь, но умеющим говорить шаблонными фразами. Бездушная марионетка в чьих-то властных руках.

– Одиноким воин, значит, – куратор улыбнулась мне.

– Зовите меня Казимиром, – я поднялся на ноги и протянул ей ладонь – она поздоровалась со мной по-мужски.

Мы продолжили разговор в небольшом круглосуточном кафе с демократичными ценами для студентов: оно стояло возле нашего вуза. С заляпанной грязью панорамными окнами, освещаемое внутри одной лампочкой дешевой люстры, кафе встретило нас усталым ворчанием кофе-машины и еле-слышным «Добро пожаловать» от сотрудницы, синяки под глазами которой напомнили мне о том, что уже близилась полночь. Не знаю, каким чудом мы вышли из университета: Ева быстро вела нас за собой по черным, мертвым коридорам, и она сама, ее тонкая, но высокая фигура, звук ее уверенного шага – сапоги с широким голенищем отбивали радостную, бодрую дробь, – придал и нам уверенности. Еще никогда я не чувствовал себя в такой безопасности, подходя к дверям вуза: за ними нас ждала молочная прохлада московской улицы, круглый диск луны, втесанный в черное небо. Свобода. Больше бояться было нечего – только следующего дня.

– Всем вам – удачи на стажировке, – продолжила куратор, когда мы уселись за качающийся деревянный столик. Она повернулась ко мне: – Казимир, ты работаешь?

– Нет, – покачал головой я.

– Тогда будешь эти полгода посещать занятия вместе с дневным отделением. Слишком опасно тебя одного отправлять в чужую вечернюю группу. Для того, чтобы уладить все дела с деканатом, тебе надо подъехать к шести часам в четверг, – она принялась что-то писать на клочке бумаги, который достала из кармана. Карандаш быстро заскрипел с неприятным звуком: я подумал, что она, куратор, все-таки холерик, – Я буду тебя ждать у главного входа, провою до кабинета, чтобы ты не влип в неприятности.

– Вы знаете, кто это? – вдруг спросил я. Она медленно подняла на меня налившийся тяжестью взгляд. – Знаете, кто издевается над студентами вечерних групп?

В ее вежливом покашливании я услышал нежелание отвечать на мой прямой и неудобный вопрос.

– Мы ведь понимаем, что это такие же студенты, как и мы, – снова попробовал я; староста бросила на меня благодарный взгляд, но я не был уверен, что она поддержит меня, если я и дальше начну давить на куратора. Они все скоро уезжали, им не нужны были лишние проблемы. Меня вдруг накрыло будоражащим самомнением: остался только я, теперь я единственный был нашей последней надеждой, и тогда поток слов сам полился из меня: – Какой-то факультет решил сделать из нас грушу для битья. Этим занимается кто-то, кому не страшно быть пойманным: наверняка, богатые студенты, дети влиятельных родителей. Мы пытались опубликовать наше обращение на сайте вуза, но через секунду его кто-то удалил из администрации. С тех пор вся наша группа – в черном списке. Нам не дают рассказать о том, что происходит. Но вы ведь сами видели: над нами издеваются. Кто дал им право мучить нас, срывать занятия, бить, если мы ходим по коридорам в одиночестве? Кто они такие, чтобы устанавливать нам правила, по которым мы должны передвигаться по вузу? Они запирают кафетерий и столовую, орут и ломают стены, пока у нас идут занятия, оставляют записки. «Свод правил для вечерних крыс»! И только присутствие преподавателя может нас спасти. Неужели это никому не кажется ненормальным? Все наши преподы делают вид, что ничего не происходит. А Вы? Будете делать так же?

– Моя цель, – моментально ответила куратор, – избавиться от них всех. Ты прав, Казимир: деканат все знает, но замалчивает. Я делаю все, что в моих силах, чтобы уберечь каждую вечернюю группу от неприятностей. Мне не всегда это мне удается: ваша староста, несколько девочек с первого курса, парень с четвертого – одни в больнице, других заставили взять академический отпуск, других запугали до отчисления. Мне тоже приходили от них угрозы. Но они меня боятся. Я слишком влиятельная для них. Что это за студенты, сколько их, с какого они курса и факультета – мне так и не удалось узнать. Но одно я знаю точно: они заинтересуются тобой. Ты уже привлек их внимание. Поэтому будь вдвойне осторожен. Раз ты будешь в дневной группе, неизвестно, покажут ли они себя.

– Значит, я теперь Ваш экспериментальный способ выйти с ними на контакт? – я скрестил руки на груди.

– Ты – наша надежда, – Ева оскалилась в клыкастой, яркой улыбке, как гиена из «Короля льва», – мой главный козырь. Четверг, восемь вечера! Запомни!

Наскоро попрощавшись с нами, она пулей вылетела из кофе.

– Так шесть вечера или восемь? – повернулась ко мне староста.

Я коротко пожал плечами. Теперь во мне поселилось подозрение: была ли куратор и правда на нашей стороне? Или на своей собственной? И главное – во сколько мне быть в четверг в вузе? В шесть или в восемь?

«Шесть или восемь?», – крутилось в моей голове, пока скрипучие вагоны метро несли меня все дальше и дальше по тоннелю до конечной станции. «Шесть или восемь?», – спрашивал я себя, с трудом вышагивая километры до моего дома, и таким же вопросом я задавался, поднимаясь на лифте до предпоследнего этажа, и заглядывая себе в глаза, отражающиеся в грязном зеркале маленького туалета своей скромной квартирki. Ночью мой воспаленный

волнением мозг создавал неоновые вспышки, закручивал лихие восьмерки и шестерки, все больше и больше путая меня, и утром я проснулся больным и уставшим. Четверг – это было уже сегодня. До самого вечера я разбирал гору накопившихся по предметам долгов, которые мне нужно было сдать в конце недели. Сегодня, как я полагал, меня ознакомят с новым расписанием – на самом деле, оно практически не отличалось от расписания вечернего отделения, просто занятия начинались в разное время. По этой причине я не слишком волновался – новых предметов у меня не намечалось. Меня беспокоило одно – в шесть или в восемь? Будет ли Ева меня ждать, если я приеду не в то время? И что мне делать, если я приеду в вуз раньше нее? Тронут ли меня *они*? Беспокоясь за свою безопасность, я решил так: лучше мне быть к восьми, потому что, даже если куратор приедет к шести, ей никогда в голову не придет бросить меня в одиночестве, она решит дождаться меня. В конце концов, разве не она сказала, что несет ответственность за вечерние группы? Мне было жаль, что я не взял ее номер, а она – мой, но все же я продолжал надеяться, что в крайнем случае она может попросить мои личные данные в деканате. Дорога до университета показалась мне быстрой, как последний глубокий вздох умирающего; отчаянной, как бессмысленная попытка ухватить все воспоминания о человеке перед прощанием с ним: смотреть долгим взглядом ему вслед и видеть, как медленно его фигура становится все меньше и меньше. С кем я прощался? Чувствовал ли в тот момент, что подхожу к той черте в своей жизни, после которой нельзя будет повернуть обратно? События неслись, как стремительно уносящий меня вперед поезд метро, и вряд ли я был в силах остановить эту всемогущую систему судьбоносного течения жизни.

«Шесть или восемь?», – в последний раз пронеслось в моей голове, когда я открывал тяжелую дверь, ведущую в ГУ им. Ф. Ротха. В холле стоял неприветливый полумрак. Заволновавшись, я совсем забыл, где именно Ева должна была ждать меня. Чувствуя себя беспомощным слепым котенком, я неуверенно пошел вверх по коридору, пока не уперся в привычный вид закрытого кафетерия. Тогда я решил свериться с часами на своей руке.

«Среда, 18:00», – показали они мне. Головокружение заставило меня прислониться к стене.

– Среда, – я принялся судорожно проверять дату на телефоне; руки у меня дрожали, – Не четверг, а среда.

Последняя среда в моей жизни – так я назвал тот день. *Среда*, а не четверг. Теперь уже было не важно: шесть или восемь, или десять, одиннадцать, двенадцать, час, два, или три часа, или три часа пять минут. В среду не было занятий ни у одной вечерней группы. Если бы меня заметил кто-то из *них*... Что бы со мной случилось? Я вспомнил поломанную фигуру старосты внизу лестницы, вспомнил то, как она беспомощно плакала, как слезы на перекошенном лице смешивались с бетонной пылью и кровью, и как мы ее втроем поднимали на ноги, как она шла, спотыкаясь, и как дрожало от боли все ее хрупкое тело, и как в моей голове билось внезапное отвращение к блестящим дорожкам соплей у нее под носом, и как меня пронзило стыдом от таких мыслей – все это было так страшно, неприятно, чудовищно дико. Вдруг во мне воспрянула затаенная злоба. Я уставился на дверцы закрытого кафетерия, вслушался в тихий шум, доносящийся оттуда: *они* сидели прямо там, заперевшись изнутри, а я стоял в шаге от входа в их логово, где они кишели, подобно гадкой рассаде личинок; на выкрашенных в бордовый цвет дверях остались масляные следы от прикосновения чьих-то потных ладоней, в щель между створками пробивался приглушенный теплый свет. Идеальные условия для разведения насекомых. Еда, влага и тепло. Несмотря на ярость, во мне осталась толика благоразумия: она отвела меня дальше от кафетерия, и тогда я понесся, стуча ботинками по кафельному полу, на верхний этаж – в деканат. Может, они бы послушали меня? Может, я бы успел спрятаться у них? Задыхаясь, я перескакивал широкие ступени; под моими ногами промелькнул желтоватый блеск плитки, потом – корявый паркет. Сердце судорожно стучало в груди, надрываясь. Ладони у меня быстро вспотели. Когда мой плоский каблук придавил линолеум третьего

этажа, позади меня раздались шаги. Медленная, грубая поступь: так стучали мартенсы. Вверх по моей спине, мелко подрагивая ледяными лапами, взобралась паника; она обхватила своим тельцем мою голову, ухватила и зажала тот нерв, что отвечал за движениями моего тела, и, потакая ее воле, я замер. Не просто замер, но окоченел – все мышцы сковало холодной болью. Бац-бац, – продолжали греметь шаги позади меня. Бац, – сердце остановилось у меня в груди. Бац, – пульс упал куда-то в горло и истошно забился там, глупый и беспомощный. Бац. Бац. И тут я сорвался с места. Не помню, куда я бежал и зачем. Мимо меня мелькали заколоченные двери кабинетов, круглая, тяжеловесная люстра над моей головой кружилась из стороны в сторону, когда ноги заносили меня в стены. Бац! Бац! Бац! – закричали быстрые шаги позади меня. Я не мог дышать, не мог видеть, только слух и остался – о, как бы я хотел оглохнуть в тот момент, когда вдогонку к стуку мартенсов зазвучал другой, более живой и быстрый стук. Теперь их было двое. У меня не было шансов, однако я продолжал нестись вперед, ноги мои истошно ныли от боли, обтесанные ударами о стены плечи скрипели в такт моим лихорадочным движениям: бежать, бежать, спастись, бежать – по зеленому коридору, по паркету, по пружинистому полу, автоматически сгибать колени, дышать, смотреть только вперед, не оборачиваться назад. Что-то вдруг произошло в тот момент – необъяснимым образом мои ноги ослабели настолько, что я споткнулся, полетел вперед, как брошенный шар для боулинга, упал плашмя на пол, и в голове моей поднялся настоящий шторм: гудело, звенело, волны паники вздымали свои километровые волны над моим жалким, съезжившимся сознанием, виски ныли от боли, и сквозь эту невыносимо объемную толщу страха я смог только обрывками ухватить взглядом расплывающийся подо мной линолеум и темно-бордовые следы на нем. Наверное, у меня пошла кровь носом; я потянулся было ладонью до лица, как вдруг меня резко подняли на ноги, ухватив за шкурку как пищущего котенка. Пахло дешевыми сигаретами – такие иногда притаскивал мне брат, аромат у них был горький и хорошо въедающийся в память. Никаких других мыслей в моей голове не успело возникнуть, как не успело возникнуть возможности взглянуть на лица моих новых знакомых – я прозвал их «две пары мартенсов». Меня резко ударили в живот. Согнувшая пополам мое туловище боль была такой острой и внезапной, что следующий удар заставил меня сдавленно закричать; кто-то зажал мне рот рукой. Эта широченная, почему-то маслянистая на ощупь ладонь с силой надавила мне на лицо – так, что мне пришлось закинуть голову назад. Потолок поплыл у меня перед глазами, когда мне прилетел еще один удар – а потом их вдруг стало так много, что я перестал считать их количество, перестал ощущать, куда именно меня ударили, и потолок сделался черным как непроглядное небо ледяной зимой. В какой-то момент мне все же разрешили упасть, но это не принесло никакого облегчения – грубые ботинки начали бить меня в колени и живот, и в руки, которыми я закрыл свое лицо. Перед глазами у меня стоял ярко-красный экран. Иногда он шел рябью – тогда я понимал, что меня снова ударили. И вдруг я услышал *его*. Две пары мартенсов замерли надо мной, как насторожившиеся приказом собаки. Гул в моей голове чудом рассеялся, и я услышал звучащий с конца коридора голос – негромкий, но такой четкий и строгий, что он показался мне военной сиреной в наступившей вдруг тишине.

– Что вы снова делаете у меня на этаже? – я с трудом приоткрыл отекавшие глаза, и увидел высокий черный силуэт, застывший в теплых лучах вырывающегося из открытого кабинета света. Настоящее Вознесение.

– Прости, Данко, – хрипло пробормотали у меня над головой; со скрипом я повернул голову в сторону говорящего и увидел, что это здоровый парень с широченными плечами и черной маской на пол-лица – вот он какой был, один из пары мартенсов. Второй стоял рядом с ним, и по телосложению я понял, что это была девушка. – Этот крысеныш забрался слишком высоко, мы как раз собирались спустить его с лестницы.

Я похолодел. Конечно, речь шла обо мне, о ком еще? Спустить с лестницы. Поломанное тело старосты. Слезы, кровь и бетонная крошка. Тяжело дыша, я принялся отползать в сторону,

но меня резко пнули в живот – я замер, судорожно принявшись хватать воздух опухшим от ссадин ртом.

– Это лишнее, – снова заговорил стоящий в конце коридора, – Он того не стоит. Просто отнесите его ко мне в кабинет. Я сам разберусь.

Дверь захлопнулась. Потусторонний свет пропал.

Глава 3. Увертюра к первому акту

Ковер посадил мне новую ссадину на лице: две пары мартенсов грубо, лихо швырнули меня на пол мрачного кабинета. Этот удар здорово впечатал меня в короткий колючий ворс ковра, но почему-то сразу я заметил: на нем не было пыли. Когда дверь за ними закрылась с тихим шелчком, в комнате воцарилась вязкая тишина. Несмотря на то, что все тело у меня болело, а мысли разлетались в разные стороны и никак не собирались во что-то цельное, я приподнялся на локтях и принялся оглядывать пространство вокруг себя. В моей памяти тогда продолжали стоять четкие, давно укрепившиеся в подсознании образы учебных аудиторий: маленькие душные пространства, заставленные тесным рядом скрипучих стульев и вытянутых столов, ни вдохнуть, ни выдохнуть, и в воздухе – кисловатый запах старости. Здесь, в этом бархатном кабинете, все было по-другому – как будто вот она, моя стажировка в чешский университет; досталась мне таким легким и бессовестным способом из портала за дверью на третьем этаже в ГУ имени Ф. Ротха. В потолок была вкручена тяжеловесная люстра: эти тоненькие ветвистые очертания стиля рококо я смог разглядеть так отчетливо, словно она уже успела свалиться на пол перед моим носом. Произойди такое, и я бы не оказался удивлен – настолько массивной она мне показалась. Расслабленная волна древесины на спинке высоких стульев блестела в теплом свете со стороны широко распахнутого окна. Ошарашенный и напуганный чередой событий, смутивших мою рациональность (хотя, обманывать мне все же некого – рациональностью я никогда не отличался), я предположил, что это фонарь сквозит лучами по темноте старинного кабинета. Стоило мне прищуриться, согнать пелену паники с глаз, и я увидел – на подоконнике кто-то сидел. Рядом с этой черной, покрытой легкой паутиной светового рефлекса фигурой, стоял здоровенный старомодный переносной светильник с резной ручкой.

Этот момент запомнился мне на всю жизнь. То, как медленно из темноты начали прорисовываться черты его надменного лица, – высокая переносица, резко очерченный рот, темная выемка скул. То, как вспыхнувший огонек на кончике его сигареты раздражил тени вокруг него, и как оранжевое сияние окрасило своим цветом уголок его подбородка. В этом не было ничего особенного. Но позади него как будто бил свет, кричал и вспыхивал тысячью ваттами прожектор; что в нем показалось мне особенным, что заставило смотреть на него с таким благоговением, какая сила вскружила мне голову? Подул ветер – его черные волосы всколыхнулись, как наступающая на камни волна. Такой волной он, должно быть, смог накрыть бы все тысячекилометровое побережье Канады— и одним шагом смог бы раздавить Дворец Советов, будь он действительно построен. Я представил его Колоссом Родосским. Он стоял бы в длинном черном пальто, держа в одной руке свой старомодный светильник, а в другой – бычок коричневой сигареты, и Эгейское море смущенно колыхалось бы у его педантично начищенных ботинок. В момент, когда мне должно было стать стыдно от затянувшегося молчания, он вдруг посмотрел на меня. Вид ему открылся, должно быть, занимательный: я валялся на животе, упрямо держа прямо голову и шмыгал окровавленным носом, глядя на него воспаленным взглядом из-за стекол громадных очков. Наши места сразу обозначились. Он – власть, смотрящая на меня сверху-вниз, я – безволие и смирение, моим глазам позволено лишь в благоговении устремляться вверх, а в страхе – вниз.

– Кто ты? – его голос заскрипел по воздуху, как скрипит металл о наждачную бумагу.

– Казимир, – я, сдерживая болезненные вздохи, коряво сел на пол.

– Я Данко, – с удивительной для возникшей между нами дистанции вежливостью произнес он. – Ты что тут забыл в такое время?

– Должен был узнать по поводу перевода в дневную группу, – почему-то честно ответил я ему, – Я единственный из вечерников, кто не поехал на стажировку. Теперь, вроде как, буду посещать занятия с дневниками.

– А, – протянул он и с долей ребяческой непринужденности спрыгнул на пол, – так это о тебе все говорят, – Данко подошел к столу и принялся разбирать стопки каких-то бумаг. В этот момент я вдруг понял, что кабинет был кафедрой: слишком уж помпезным и официальным он выглядел. – Ты просишь звать себя Казимиром, но по официальным бумагам твое имя звучит иначе. Не буду доставлять тебе неудобства. Раз решил быть Казимиром, буду звать тебя так. Итак, Казимир. Ты ходячая головная боль. Видимо, судьба на твоей стороне: не окажись ты именно на моем этаже, и эти две бестолочи скинули бы тебя с лестницы. Еще одно удачное совпадение – именно ко мне в группу тебя собрались переводить на эти полгода. Я староста.

– Этим вопросом должна была заниматься наша куратор, – осторожно подал я голос.

Данко резко перевел взгляд на меня – темный, с колючими осколками бликов на дне радужки. Таким было его раздражение. Тонкое лицо сохранило равнодушие, но взгляд – он отразил в себе столь многое, что я смог бы захлебнуться потоком этих злых, уродливых эмоций. Воздух сделался тяжелым.

– Успел найти подружку в лице Евы? – Данко принялся отрывисто писать что-то на листе бумаги; и как он только умудрялся разглядеть свой почерк в такой темноте? – С этой минуты всеми вопросами твоего обучения в вузе занимаюсь я, а не *куратор*. Если ты не доволен этим – я позову ребят, чтобы устроили тебе экскурсию лицом вниз по лестнице.

– А деканат? – я принялся усиленно моргать, как будто еще верил в то, что происходящее – всего лишь безумный сон. —А ректор? У нас же есть... Устав? Правила? Есть же те, кто... Главные? Это явно не ты. Ну, объективно ты обычный третьекуртник...

– Какой ты наивный и глупый, – Данко терпеливо покачал головой; он был странный, что-то незначительное могло резко привести его в бешенство, но мое откровенное хамство он вдруг воспринял с безразличным дружелюбием, – Вечером нет никого главнее *нас*. И ректор, и деканат – все они действуют так, как *мы* скажем. Ты должен радоваться, что именно я буду твоим смотрителем, а не кто-то другой из Верхушки. По крайней мере, я вежливый и не бросаю свои вещи по кабинету. Собственно, от тебя я требую того же – рациональности, аккуратности и внимательности. Будешь вести себя так, и никаких проблем между нами не возникнет. Я допишу и озвучу тебе все правила.

– Правила? – моя голова жутко звенела, как будто в ушах у меня засели мелкие жучки с плотными глянцевыми панцирями, и вот они ударялись друг о друга; я не понимал, о чем говорит Данко – или не хотел понимать.

– Зачем ты переспрашиваешь? – от досады он перестал писать. Коротко вздохнув, Данко устало накрыл ладонью висок, принялся легко массировать тонкими пальцами, – Ты же все услышал. Пожалуйста, будь внимательнее, я же только что попросил.

– Прости, – я беспомощно уставился на него, – Прогулка по коридору была не из легких. Возможно, у меня сотрясение.

И тут я начал серьезно беспокоиться – не хватало еще попасть в больницу. Заметив мое волнение, Данко нахмурился.

– Ты что, глупый? – он сел в кресло. Вид у него сделался таким измученным, как будто один разговор со мной вытянул из него всю тягу к жизни.

– Беспокойство о здоровье – не показатель глупости. Ты бы не стал волноваться, что у тебя сотрясение, если бы тебя несколько раз вшибли в пол?

– Не стал бы. Даже если у меня сотрясение, то зачем мне переживать? Пока я могу держаться на ногах, все в порядке.

– Это неправильно, – я не сдержал раздраженного вздоха, – Забота о здоровье должна стоять на первом месте. Даже если ты чувствуешь легкое недомогание, нужно обязательно обращаться за помощью к врачу.

– Тебе всей жизни не хватит, чтобы по каждому чиху обращаться к врачу, – Данко снова принялся заполнять документ. – Большая часть волнений по поводу здоровья – это ипохондрия. Проходи регулярные обследования, не гуляй в университете в одиночестве после шести вечера, и с тобой все будет в порядке. Уверяю, никакого сотрясения у тебя нет. А даже если бы было – тебе бы все равно пришлось выслушать правила, которые я скоро озвучу. Не думай, что, раз я разговариваю с тобой вежливо, со мной можно общаться как с другом. Я тебе никто. Ты мне – тем более. Держи дистанцию, пожалуйста.

Между нами повисло напряженное молчание. Зная свой характер, я понял, что долго так не протяну: и правда, спустя полминуты я снова брякнул, неуютно ерзая на месте:

– А что это за кабинет? Ты занял какую-то кафедру?

– Да, – гелиевая ручка продолжала мягко поскрипывать по листу бумаги, – Называется «кафедра тупых вопросов от Казимира». Изучает неспособность человека усваивать только что услышанную информацию. Думаю, тебе с *этим* стоит обратиться к врачу, а не с выдуманным сотрясением мозга.

На этот раз молчание продлилось дольше – минуты три с половиной. Потом Данко наконец отложил ручку в сторону – я обратил внимание на то, с какой педантичностью он выровнял ее по краю листа бумаги – и монотонно принялся читать, дополняя написанное своими комментариями:

– Казимир! Я, Данко, с этого момента становлюсь твоим зрителем. Что входит в мои обязанности: сопровождение тебя в течении всего учебного дня, курирование в вопросах обучения. Что входит в *твои* обязанности: ты можешь передвигаться по вузу только со мной, мое сопровождение – это гарантия твоей безопасности. Несмотря на то, что ты будешь в дневной группе, за тобой по-прежнему сохранено клеймо вечерника. Пока я рядом, тебя никто не тронет. Итак, ты обязан существовать как студент только в моем сопровождении. Ты должен приезжать к четко обозначенному мной времени, я буду ждать тебя у дверей в университет. Ты обязан посещать все занятия. Если ты заболеваешь – я должен проверить это. Будешь врать – пожалеешь. Ты не имеешь права общаться с теми студентами, которых я не одобряю. Ты не имеешь *никакого* права рассказывать обо мне, о случившемся сегодня и о происходящих с вашей группой событиях. Собственно, для этого существуют зрители – чтобы следить за тем, чтобы ты не сорвал учебный процесс и не проболтался кому-то лишнему. Если ты еще раз попробуешь вступить в коммуникацию с Евой, – тут Данко поднял на меня металлически-ледяной взгляд, – То вылетишь из вуза с парой-тройкой тяжело срастающихся переломов. На данный момент это все. У тебя есть вопросы?

– А если я приеду домой, – горло у меня совсем пересохло, голос царапал его, коряво вырываясь наружу, – и расскажу своей семье, соседям и дальним родственникам про то, что тут происходит?

– Что ж, – Данко пожал плечами, – я забыл добавить: ты будешь жить со мной.

Я закашлялся. Несмотря на то, что ситуация вдруг показалась мне абсурдной и смешной, мне сделалась страшно. Он отнимал единственное, что полностью принадлежало мне: свободу.

– А ты всех «опасных» студентов с вечернего отделения приглашаешь пожить у себя, или это пока что я один такой особенный? – наконец смог совладать с паникой мой голос.

– Обычно этим занимаются другие, – Данко вдруг сделался немного задумчивым и отстраненным, – Обычно меня так не унижают.

Последние слова он произнес совсем тихо – но я расслышал их лучше, чем все предыдущие. Что-то подсказало мне: это нужно запомнить.

– И все-таки, – я наконец принялся подниматься на ноги; они затекли и болезненно скрипели, но, поднявшись, я почувствовал себя человеком. Теперь моя фигура возвышалась над сидящим в кресле Данко, – Как ты заставишь меня переехать к себе? Какими связями нужно обладать, чтобы заниматься таким противозаконным «бизнесом» в стенах государственного университета? Меня можно напугать, можно избить, можно заставить плакать, но как ты собрался делать из меня безвольного раба? Кто ты такой, чтобы отнимать у меня свободу? И с чего ты взял, что я тебе подчинюсь?

– Хорошо, – Данко даже не посмотрел на меня, – тогда отчисляйся.

– Лучше отчислиться, чем терпеть такое, – я заметно повеселел: неужели все можно было решить так просто?

– Знаешь, дам тебе добрый совет, – вдруг оборвал мою облегченную улыбку Данко. – Перестань надеяться. Надежда на лучшее – самое глупое, что можно себе позволить.

«Похоже на цитаты для грустных подростков», – подумал я.

– Так вот, – Данко продолжил, – Если бы ты решил отчислиться год назад, может, у тебя бы получилось. Но сейчас уже слишком поздно. Никто тебя не выпустит из университета. Ни ректор, ни *мы*. Казимир, прости мое любопытство, но неужели тебе раньше не пришло в голову забрать документы? Зачем ты терпел?

И я замолчал – потому что задумался, и мысли, в которые мне пришлось невольно погрузиться, заставили меня осознать слишком много печальных факторов своей глупой жизни. Зачем я терпел? В моей голове пронеслись сухие, выцветшие воспоминания: мой лихорадочный блеск глаз, перекошенное ужасом отражение в зеркале туалета на втором этаже двадцать шестого корпуса, дрожащая рука перебирает листы с заявлениями – я хотел отчислиться, но что-то меня остановило. И я вдруг понял, что именно. Лицо старосты. Лицо моей однокурсницы: взгляд, горящий отчаянием, страхом остаться в одиночестве, один на один с теми, с кем бессмысленно бороться. Всякий раз, когда моя рука была готова схватить листок, чтобы начать писать заявление об отчислении, меня останавливала совесть и глупое нежелание оставлять своих друзей одних, сочувствие, стыд – ведь получается, я сбегал, проявляя свою трусливую натуру, как бросивший нас посреди занятия преподаватель. Я терпел три года, потому что не умел думать о себе. В этот момент я подумал, что эгоизм – в разумной мере – нельзя назвать плохим качеством. Естественным, закономерным, необходимым – да, но не плохим. Теперь я сам остался один; до одиночества меня довела чрезмерная забота о тех людях, которым на самом деле не было до меня никакого дела.

– Было много причин терпеть, – наконец сухо ответил я, не поднимая взгляда на Данко, – и мы не друзья, чтобы я тебе все рассказывал.

Данко негромко хмыкнул – мне показалось, в этом выразилась доля одобрения с его стороны.

– Твои родители уже в курсе, что чудесным образом тебе вдруг выделили место, – он сделал драматичную паузу, – в общежитии университета. Так что у них не возникнет никаких подозрений, что их сын вдруг пропал на полгода. Сам знаешь, как сложно там пользоваться интернетом.

– Это полная несуразица, – я нервным движением поправил криво сидящие на переносице очки, – Тебе самому не смешно все это говорить?

– Да нет, – Данко взял в ладонь какие-то документы и повертел ими в воздухе, показывая мне, – видишь эти бумажки? Все они уже подписаны ректором, деканом, заверены в отделе вопросов предоставления жилых помещений для студентов. Живешь далеко, прописан ты вообще не в Москве, так что по официальным бумагам ты практически переехал. И сторона университета, и сторона общежития – все куплены.

– Так вот, что способно забрать у человека волю, – я невесело рассмеялся, – коррупция.

– Пожалуй, что так, – серьезно кивнул Данко; теплые лучи светильника, казалось, пронзили его бледное лицо насквозь. Он поднял на меня взгляд – и я понял, что этот отчаянный смех надолго застрянет у меня в горле.

Случилось так, как предсказывал Данко: у моих родителей не возникло никаких подозрений и лишних вопросов. Собирал чемоданы я в спешке – над душой у меня стоял он сам и следил за тем, чтобы я не брал что-то лишнее; иногда он скользил своим ленивым, раздраженным ярким светом некачественных лампочек взглядом по бардаку в моей комнате, и лицо его кривилось.

– Мы так рады за тебя, теперь не будешь мучиться с дорогой, – сказала мне мама, провожая до машины Данко; он строил из себя самую любезность, мол, решил подвезти до общаги, – Пожалуйста, пиши нам по возможности.

– Ладно, мам, – я попытался улыбнуться, – Я буду писать, не переживай. Все будет хорошо.

«Все будет хорошо», – сказал я сам себе, когда в окно уносящейся вперед машины забил мелькающий свет искривленных движением фонарей. «Все будет хорошо», – моргали в ответ фары проезжающих мимо легковушек.

Данко жил в паре кварталов от главного корпуса нашего университета. Это был желто-коричневый дом со старомодным высоченным подъездом; мы поднялись на скрипучем лифте на последний этаж – пятый. Он долго возился с замком, дверь немного заедала; Данко, видимо, был невероятно уставшим, потому что движения его были заторможенными, и ключ пару раз звонко упал ему под ноги, на светлое бетонное покрытие. Я толком не успел рассмотреть квартиру: было темно, взглядом я смог ухватиться только за лепнину на потолке и старомодную люстру – похожую на ту, что висела в кабинете. В коридоре стоял приятный запах каких-то растений; позже я узнал, что вся квартира была в них, большие и маленькие горшки стояли в прихожей, на кухне, даже в ванной, все подоконники были заставлены кактусами и суккулентами, а с вершины дубовых шкафов свисали колтунами декоративные лианы. Мне была выделена небольшая, но уютная комната: в ней пахло книгами, на прикроватной тумбочке стоял какой-то помпезный цветок с широкими желто-зелеными листьями, старенький торшер из последних сил освещал белое постельное белье и маленький шкафчик с вешалками. К собственному удивлению, я быстро заснул. Наверное, я бы шокирован. Толком не могу описать состояние, в которое я погрузился на ближайшую неделю: я практически не позволял себе углубляться в рефлексию, мои мысли ничего не занимало, они сделались пустыми и безликими, и сам я стал таким же – автоматически вставал по утрам, двигался, говорил, но все время ждал, что скоро проснусь, и моя жизнь наконец вернется в прежнее русло. Учеба сменялась выполнением домашних заданий; не привыкший к новому дневному обучению, я уставал так сильно, что иногда засыпал прямо над письменным столом, пуская слюни на старые учебники. Данко меня практически не беспокоил – только иногда отчитывал: «Ты должен использовать именно *это* полотенце, чтобы вытирать руки, а не *это*», «Пожалуйста, носи носки или тапки, когда ходишь по дому», «Мой за собой посуду, я больше не буду тебе напоминать об этом», «Не надо лазить в моей аптечке без разрешения».

В университете он становился более требовательным ко мне, более отстраненным и холодным. Данко был выше меня на полголовы и носил одно и ту же одежду на протяжении всей недели: свое черное, сшитое из плотной и немного колючей шерстяной ткани пальто он не снимал даже в помещении, идеально отутюженные рубашка с брюками сидели на нем так, словно были сделаны на заказ, и ботинки ударялись с одним и тем же размеренным стуком по желтой университетской плитке пола. Этот стук хорошо въелся мне в память, и уже на третий день я мог отличить его от любого другого: профессор в похожих оксфордах ходил быстрее, и у всех студентов гладко начищенные туфли стучали по-другому, у кого-то звонко и нетерпеливо,

у кого-то – грузно и напряженно. У Данко был легкий, стремительный шаг, но он ненавидел, когда я шел быстрее него – стоило мне начать торопиться, чтобы не опоздать на пару, как он хватал меня за рукав и долго, пристально смотрел. В его темно-зеленом взгляде читалось такое вселенское раздражение, что я сразу понимал: если я не послушаюсь, он может ударить. Уже позже я узнал, что Данко никогда не поднимал ни на кого руку, в отличии от своих дружков, частенько задирающих меня.

Не знаю, сколько еще могло продлиться мое сонное, нездоровое состояние, если бы одно событие наконец не встряхнуло меня. Нервный, изможденный стрессовой ситуацией, в которой вдруг оказался заперт как домашняя канарейка, я клевал носом на социологии; Данко, сидя на соседнем стуле рядом со мной, без пауз постукивал по клавиатуре своего новенького серебристого ноутбука за добрую сотню тысяч – записывал лекцию, хотя я был уверен в том, что в этом не было никакой необходимости, так как преподавательница после каждого занятия скидывала нам материал на почту. Когда я отвлекся на вид напряженно очерченных пальцев Данко, меня кто-то легонько толкнул в плечо – я повернулся назад. На стуле сидела, покачиваясь из стороны в сторону, незнакомая мне студентка: тяжелый темный взгляд, щедрые мазки туши вокруг глаз, бледная кожа, какая-то замысловатая стрижка, синеватый цвет торчащих во все стороны волос. Молча она вдруг протянула мне записку; я потянулся было забрать ее, но Данко сделал это за меня. Стрельнув в мою сторону ледяным взглядом, – «Я ведь предупреждал тебя: никаких контактов с другими студентами» – он принялся тихо читать вслух то, что было написано прыгающим почерком на корявом обрывке тетрадного листка в линейку:

– «Приглашаю тебя посетить репетицию моей эмо-группы. Сегодня в шесть вечера, актовый зал», – Данко медленно поднял на меня недоуменный взгляд.

Я хотел было обернуться назад, но вдруг на свободный стул слева от меня кто-то сел – со скрипом и грохотом, ужасно неуклюже. В этом не читалось никакого намека на естественный для обычного студента страх сорвать возникшим шумом занятие, и у меня не осталось сомнений – этот «кто-то» был из Верхушки. Коллега Данко.

– Поздравляю, ты получил приглашение от Адель! – мне на спину опустилась широкая ладонь; я скосил взгляд в сторону, посмотрел на нового знакомого, появление которого никак не смутило Данко. Светлые кудри зашекетали мне шею, когда студент принялся шептать в мое ухо громким шепотом: – Меня зовут Эраст. Приятно познакомиться, Казимир. Буду звать тебе Миром. «Казимир» слишком длинно. А записку тебе передала Адель. Она музыкантка, у нее своя группа, и если она приглашает тебя на репетицию, значит ты должен прийти, либо умереть, если не хочешь, потому что смерть – единственная причина, освобождающая тебя от посещения репетиции. Не знаю, почему она выбрала именно тебя: это, кажется, происходит совершенно случайно, но не каждый удостоивается чести получить от нее приглашение. Когда я получил свое, то, конечно, не собирался приходить, но она преследовала меня даже в мужском туалете: я зашел отлить, и в щель между полом и дверью она снова просунула этот листок с приглашением. Потом она каким-то образом умудрилась его положить в тарелку моего остывающего супа, когда я отошел взять компот. Спустя неделю преследований я сдался. Так что мой тебе совет: просто посещай репетиции раз в неделю, и с тобой все будет хорошо.

– Никаких репетиций, – Данко раздраженно придавил клавишу, чтобы стереть неправильно услышанную фразу преподавательницы.

– Расслабься, Данко, – Эраст дружелюбно заулыбался, – Ты можешь оставить своего крысёныша мне на время репетиции. Буду следить за ним, чтобы не шмыгнул в какую-нибудь тайную норку, – тут он посмотрел на меня, ласково похлопал по щеке, и мне сделалось невыносимо тревожно, – Обещаю не обижать его. Я слышал, ты его покровитель, бьешь других, если они бьют его?

– От кого ты такое слышал? – Данко перестал писать.

– Это была шутка, – я почувствовал, как Эраст напряженно замер, но голос никак не выдал его настоящие эмоции. Беспечный и кокетливый, он так и звенел жизнелюбием, – Не будь таким серьезным. От тебя разбегутся все девочки.

Конечно, Данко нисколько не расслабился, но, стоило ему с невозмутимым, слегка омраченным неприятной шуткой Эраста видом начать дальше стучать по своей глянцевой клавиатуре, – каждая кнопка под его пальцами делала приятный слуху шелчок, «цок-цок», «цок-цок», как будто скачет крохотный жеребенок размером с ноготь – как Эраст ожил, встрепнулся, отряхнул плечи своего свежего пиджака от налета напряженности и принялся снова рассказывать мне про Адель и ее эмо-группу. Несмотря на всколыхнувшийся во мне интерес, я по-прежнему ощущал себя пленником неловкой ситуации, и мне затылком чудился тяжелый взгляд Адель – и тогда я сразу представлял, как она подбрасывает мне бумажки с угрозами в мой любимый горячий цикорий, как стреляет в меня конфетти, и всю мою фигуру облепляют насмешливые взгляды. «Он пропустил репетицию Адель», – говорили они, «Вот идиот, и надо было же умудриться так накосячить».

В перерыве между парами мы с Данко – а точнее будет сказать, Данко и я, – спустились в кафетерий. Каждый раз, стоило мне увидеть его работающим, во мне просыпалась такая невыносимая злоба на всех в этом проклятом университете, что крохи оставшегося аппетита исчезали. Когда я был злым, мне нравилось невинно выводить Данко из себя. Разными способами я пытался прощупать почву его характера – узнать, где начинается и заканчивается его терпение.

– У меня сегодня нет денег, – грустно произнес я, останавливаясь напротив витрины с рядом блестящих квадратиков пирожных, – Родители больше не присылают мне денег, ведь думают, что вуз покрыл все мои расходы. И как мне теперь быть? Голодать?

На самом деле у меня были деньги – небольшая сумма, которую я успел накопить за полгода и которую взял с собой из дома, когда уезжал. Этой суммы должно было хватить на скромную еду в универе в течении двух-трех месяцев.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – Данко оторвал свой взгляд от кусочка морковного торта и лениво посмотрел на меня с выражением лица, которое я потом назвал «Данко, тоскующий по рациональности».

– Я подумал, может ты бы заплатил за меня? Ведь из-за тебя я остался без поддержки родителей. Много плохого, честно сказать, случилось по твоей вине. Так что я бы не отказался от пирожного «картошка» и чашечки чая с персиком.

– Иди работай, – Данко пожал плечами, – Раз у тебя нет денег.

– Но я ведь теперь студент дневного отделения. Как ты себе представляешь, что я иду на работу? Может, порекомендуешь мне пойти в ночной бар? Разливать виски скучающим мажорам типа тебя?

– Мне наплевать, – Данко раздраженно отошел к кассе, чтобы оплатить свой морковный торт, но я четко заметил, каким недовольным и даже расстроенным он стал.

Ему было не наплевать – это я понял верно, потому что, будь это правдой, он бы проигнорировал мои слова, но, когда мы сели за крайний столик у окна, Данко сухо продолжил свою мысль; слова из его рта вылетали с невиданной для него разгоряченностью. Никогда прежде Данко не показывал себя с такой стороны – теперь он впервые за долгое время показался мне живым человеком, способным испытывать простые земные эмоции: я видел, как его переполняла обида и гнев, и горечь сочилась из темных складок его шерстяного пальто, как жирные сгустки меда на пчелиных сотах.

– Если я сделался твоим смотрителем, это не значит, что я превратился в твою няньку. Тем более – в твоего друга. Хватит выливать на меня свои переживания и проблемы. Твое присутствие негативно сказывается на моем здоровье: теперь у меня постоянно болит голова и стал хуже аппетит. Потому что ты настоящая заноза в заднице. Но проблема не только в этом. Проблема в том, что мне придется как-то уживаться с тобой и терпеть твое присутствие,

хотя мне никогда этого не хотелось, и все, чего мне хочется – это тишины. Чтобы ты молчал большую часть времени, потому что каждое твое слово так или иначе меня раздражает. Теперь я буду есть свой морковный торт, а ты будешь молчать, иначе я за шиворот тебя выброшу в окно, и будь уверен – на это никто не обратит внимания.

Я посмотрел на оконную раму низкого окна – если бы я упал оттуда, то безболезненно приземлился на серый, заснеженный газон возле университета.

– А почему ты тогда меня терпишь, если можешь просто швырнуть в окно? – я поковырял пальцем лаковое покрытие деревянного стола, – Может ты даже смог бы убить меня безнаказанно?

– Ты прав, – Данко воткнул ложечку в поверхность жирного торта, – Я могу швырнуть тебя в окно. Но я не буду этого делать. Потому что твое тело, твои грязные ноги повредят газон, который я с таким трудом высаживал. И я не стану убивать тебя, потому что убийство – это грязно и нелепо, и я бы доверил это лучше кому-то другому, кого не приводит в раздражение кровь под ногтями.

– Ты высаживал газон возле вуза? – я чуть не рассмеялся от удивления.

– Я президент эко-клуба университета, – Данко неодобрительно покосился на меня, – Об этом не знают, видимо, только на вечернем отделении.

– Серьезно? – не удержав себя, я все-таки коротко хохотнул, – Не могу представить тебя, сажающим газон возле вуза. А как в тебе сочетается философия эоактивиста и принадлежность к группе студентов, которые занимаются незаконными издевательствами?

– Я ведь не издеваюсь над укропом. Кстати, напомни мне, когда я в последний раз над тобой издевался? На мой взгляд, с моим появлением твоя жизнь стала куда лучше, чем была прежде. По крайней мере, теперь ты не боишься за свое здоровье, задерживаясь допоздна на занятиях.

– Это не отменяет того факта, что я буквально твой заложник.

– Уж извини, – Данко сделал паузу, чтобы прожевать кусочек торта, – Но это было не моей идеей. Я так же против этого, как и ты.

– И в чем же выражается твой «протест»? – я скептически оглядел его фигуру: он сидел прямо передо мной, умасленный деньгами и вседозволенностью, и бледность лица Данко показала мне искусственной, фарфоровой, как и все его слова, и тон разговора, и серый блеск темных глаз, и эмоции, которые он мне украдкой показывал. – В том, что ты якобы вежлив со мной и не бьешь? Если тебе не нравится все это, походи скажи об этом тем людям, которые за это ответственны. Чего ты молчишь вечно? Кого боишься?

– Ты забавный, – Данко отложил ложечку на край блюда. – Думаешь, что если я пойду и поговорю, то изменю этим что-то? Думаешь, все так просто? Если бы оно так было, то наш вуз и все вузы нашей страны превратились бы в миниатюры Оксфорда и Кембриджа, и наше образование поднялось бы на десятки ступеней вперед, обогнав Великобританию и Новую Зеландию. Если бы каждый студент мог внести свой вклад в развитие университета, если бы каждого студента слушали и *слышали*, то сейчас ты бы не сидел на грязном стуле в дешевом кафетерии и не смотрел бы на то, как я ем отвратительный по вкусу морковный торт и как скучаю на каждой паре, потому что у меня – и у всех остальных, уж поверь мне – нет никакой мотивации учиться. Думаешь, раз я по вечерам становлюсь более важным и меня слушают другие студенты, мои слова могут изменить систему? Это не так работает. Меня могут слушаться обычные «громилы», но остальная «Верхушка» плевать хотела на мои предложения. Там все сложнее, чем ты думаешь. Поэтому заткнись и принеси мне чай, пожалуйста.

То ли в благодарность за его честность, то ли из-за проснувшегося во мне чувства вины я все же принес Данко чай. То, что он обжегся кипятком, уже было не моей заботой.

– А что насчет Адель? – спросил я, когда мы уже поднимались в аудиторию.

Данко тяжело вздохнул; на долю секунды мне даже стало его жаль, пока я не вспомнил, что причинять Данко неудобства – моя единственная отрада.

– Адель, – повторил он, снова вздыхая, – Репетиция должна быть сегодня вечером? Хорошо, я схожу с тобой.

– Почему? – я с интересом посмотрел ему в спину.

– Потому что иначе ты станешь еще большей проблемой, – ответил он.

Данко оказался не прав. Если бы мы не посетили эту репетицию, проблем стало бы гораздо меньше – но ни я, ни Данко не знали того, что должно было случиться.

Глава 4. Серая исповедь

Актный зал был пыльным и напомнил мне огромный чемодан советских времен – неподъемный, с лоснящейся тканью внутри, упрямый в своей преданности старине и ненужности. Вид старомодных стульев, обитых зеленым бархатом, показался мне удручающим. Все пространство вокруг – эти пресловутые стулья, деревянный пол, театральные занавесы с дурацкой золотой каймой и кисточками по краям – было измазано в сероватом слое старости и заброшенности. Люстра в потолке горела маслянисто-оранжевым светом, от которого лицо Данко приобрело некрасивый оттенок охры: болезненный и искусственный.

– Приглашение получили сразу двое? – на меня и Данко обернулись с первого ряда, когда мы пытались бесшумно занять места где-то в конце зала.

– Адель меняет правила?

– Или *кто-то* решил их нарушить.

– Не думаю, – подал голос Данко, лениво откидываясь спиной на скрипучий стул, – Что Адель будет против моего присутствия. На вас-то мне наплевать.

– Какой ты грубый, – со своего места на первом ряду лениво поднялся парень: здоровый качок в обтягивающей футболке и волосами такого ядерно-рыжего оттенка, что у меня закралось подозрения, что он носил парик, – Не порть нам дружелюбную атмосферу домашних репетиций, Данко. Раз уж пришел со своим приемным сынишкой, то сидите тихо и не мешайте остальным.

– Так вы первые начали нас обсуждать, – встрял в разговор, – Ничего личного, парень, мы тут явно не для того, чтобы портить вам настроение. Просто и вы относитесь к нам подружелюбнее.

– А ты кто такой? – со своего места поднялась и обернулась на меня девушка с громадной бейсболкой на голове – «Brooklyn NYC»; вид у нее был усталый, но не агрессивный, хотя я вряд ли смог бы назвать агрессивным и того здорового рыжего парня.

– Меня зовут Казимир, – я покосился на Данко: будет ли он одергивать меня, чтобы я не общался с посторонними? – Адель *мне* дала приглашение. Данко меня... Сопровождает.

– Ясно, – рыжий пожал плечами, – Ну я Питирим.

– Я Вета, – последовала его примеру студентка в бейсболке, – Приятно познакомиться.

– Не уверен, что им так уж приятно, – шепнул мне Данко, когда Адель со своей группой наконец появилась на сцене, – Они недолюбливают новичков, которых собирает и приводит Адель. Не все вливаются в их компанию.

– А что, это так сложно сделать? – я недоуменно уставился на виднеющиеся макушки студентов с первого ряда: помимо Питирима и Веты там сидели еще двое, которые проигнорировали наше присутствие.

– Говорят, у них куча правил, существует настоящий кодекс, – Данко зашептал громче, когда Адель ударила по струнам своей электрогитары, – И если ты это не соблюдаешь, то никогда не узнаешь, кто они все на самом деле такие.

– А Эраст что про это думает? Он, кстати, не придет сегодня?

– Эраст как раз и рассказал мне про это. Но сегодня его, видимо, не стоит ждать. У него появились более срочные дела.

– Разве ты не должен контролировать Адель и всех остальных, кто ходит на ее репетиции? – от поднявшегося шума у меня стало закладывать уши, но я вдруг понял, что нельзя упускать такую возможность: Данко было ужасно скучно, и это было отличным поводом узнать у него как можно больше, – Они ведь начинаются как раз в шесть вечера.

– У них всех есть особое разрешение, – Данко с неохотой посмотрел в мою сторону, – Так что я не имею права мешать им.

– А кто выдает эти разрешения?

– «Верхушка», – взгляд Данко сделался вдруг странным: металлический блеск в нем показался мне острым, готовым уколоть меня, как веретено.

– Но ты разве не входишь в ее состав?

– Нет, – Данко сделал паузу, – У меня другая... Роль. Я и не «Верхушка», и не «громила».

– Значит, у тебя не так много власти, – я осторожно посмотрел на Данко, – Но при этом ты все равно на довольно влиятельном месте.

– С какой-то стороны я даже влиятельнее Верхушки. Но не сейчас.

– Почему? – мне сделалось плохо от того, насколько волнительным стал этот момент.

Данко молчал несколько минут. Тишину заполнял гул электрогитары и баса, дробь барабанной установки, хриплый голос солистки – ненавязчивая мелодия, навсегда ставшая для меня аналогией беспокойному ожиданию.

– Потому что я один, – наконец произнес Данко. Из-за шума я плохо его расслышал и хотел было его перепросить, как вдруг он поднялся и беспечно бросил: – Мне нужно отойти минут на пятнадцать. Убегать не стоит – попадешься к «громилам», и будет нехорошо.

Лязгнули струны. Они, как и мысли в моей голове, скрипуче принялись меняться местами, искать нужное расположение, пока осознание наконец не накрыло меня ледяным потоком воды: сам не понимая своих мотивов, я схватил Данко за рукав.

– Ты только что сказал мне, – упрямо зашептал я, глядя на его расплывающееся в желто-серых красках лицо, – О своих слабостях. Дал понять, что у тебя меньше власти, чем у остальных. Рассказал про группу Адель и про то, что у ее «любимчиков» куча привилегий. И теперь уходишь, оставляя меня одного на пятнадцать минут. Это какая-то проверка или ты просто оказался тупее, чем я думал?

– Казимир, – Данко вдруг усмехнулся – наверное, впервые за очень долгое время, и впервые эта усмешка была адресована именно мне. Противный желтый свет люстры показался мне тогда теплым и дружелюбным – пожалуй, так светила надежда, – Это *ты* оказался тупее, чем я думал.

Нет, дело было далеко не в проверке моего послушания и не в желании Данко издаваться надо мной, подобно тем «громилам», которые загоняли меня как скотину на убой. Долгие несколько мгновений я глядел Данко в спину: смотрел на то, как медленно он идет, с аистовым достоинством переставляя свои длинные ноги, и во всем этом я вдруг не смог разглядеть суровой надменности, которой Данко был окружен в том роскошном кабинете с громадной люстрой. Напротив – я увидел в нем простодушие, честность и искренность, которые все это непродолжительное для него, но продолжительное для меня время были спрятаны где-то под колючей скорлупой холодного презрения. Может, Данко и не презирал меня вовсе. Мне вспомнились его слова. «Я так же против этого, как и ты», – сказал тогда он, и каждый сухой согласный звук этих слов, металлически вздрагивающих у меня в голове, подстегнул меня не хуже хорошего кнута. Наконец я вскочил с места. Мне нужно было действовать, я знал это и железно в этом уверился. Когда я неуклюже упал на место рядом с Питиримом на первом ряду, тот никак не отреагировал – зато сидящая сбоку от него студентка с холодным удивлением

стрельнула в меня блестящими глазами. Она не знала меня, я не знал ее, и что-то подсказало мне в тот момент, что знакомство наше произойдет в другое время.

– Питирим, – я взволнованно оглянулся в сторону двери, – Можешь ответить на пару вопросов?

– Чего? – лениво отрывая приклеенный к сцене взгляд, парень стал медленно поворачиваться ко мне.

– Можешь рассказать, что нужно сделать, чтобы стать... частью вашей компании? Ну, стать как бы посвященным?

– Чего? – Питирим приподнял выбеленные брови. Такая мимика могла бы означать удивление, но в его случае приподнятые брови были признаком того, что он приподнял брови и ничего более: все его бледное лицо с большими глазами и прямым носом было наполнено удивительным равнодушием – как будто в его голове не было ни одной тревожной мысли, и в принципе никаких мыслей в ней априори не существовало.

– Питирим, – я сел так, чтобы хорошо видеть его лицо, – Мне хочется стать частью вашего «секретного клуба». Без понятия, чем вы занимаетесь, но мне важно получить свободу в стенах универа. Разве вы никогда не сталкивались с чем-то странным, когда поздно возвращались с репетиций? Не замечали ничего подозрительного? Я бы смог ответить на все ваши вопросы.

– А, ты про это, – Питирим вдруг «ожил»: его взгляд сделался осознанным и ярким, лицо перестало быть бледным, наполнилось румянцем и теплым дружелюбием, но это смутило меня сильнее, чем его прежнее состояние, – Я тебя понял! Ты быстро ухватил суть репетиций. Обычно новички либо уходят, либо сто лет вливаются к нам. Тебе нужно в субботу, в восемь вечера прийти в кабинет 49 на первом этаже. Одному.

– Но я не могу ходить в одиночестве по вузу, – мне вдруг захотелось ответить Питириму что-нибудь особо резкое и обидное, но я сдержал себя: он не был виноват в том, что я стал «крысенышем» Данко, – Меня не отпустят одного. И если я буду идти так поздно по вузу, неизвестно, что со мной будет.

– Ну да, – парень пожал плечами: мол, так и есть; это раздражило меня еще сильнее, – Кто-то до нас доходит, кто-то – нет. Если бы все было так просто, у нас был бы перебор участников. Так что попробуй, пройдишь до 49 кабинета. Если доберешься целым, станешь частью «клуба». Свобода, равенство, братство, сестринство, холодные банки пива в холодильнике и бесплатный доступ к интернету. Заманчиво, правда?

– Я не люблю холодное пиво.

– Есть теплое, – Питирим негромко хохотнул.

– Я не люблю *любое* пиво, – Адель грубо ударила по электрогитаре, и я чуть не подскочил на месте, – Но спасибо за объяснение и приглашение. То есть вы можете гарантировать мне независимость от Данко?

– Если это не будет противоречить правилам.

– Ты не похож на человека, который любит соблюдать правила, – я уже встал, готовясь пересечь на свое место в конце зала, – Скорее на того, кто любит устанавливать свои собственные. Может, мы сможем найти общий язык?

– Господи, – Питирим почесал беловато-желтую бровь, – Это ты репетировал перед тем, как ко мне подсесть? Звучит невероятно убого, типа ну вообще жуть.

– Согласна, – молчащая все это время студентка повернула ко мне голову; ее взгляд по ощущениям напомнил мне холод мороженого на зубах, – Ты жутковатый.

– Значит, я вам подхожу? – скрывая охватившую меня неловкость, я кривовато улыбнулся и на заплетающихся ногах добрал до своего места.

Как только я опустился на мягкую поверхность старого кресла, дверь в актовй зал бесшумно открылась, и я увидел, как Данко легким, но быстрым шагом преодолевает высокий порожек, и его черное пальто клокочет позади него, как военное знамя. Наши взгляды столк-

нулись. Не знаю, зачем, но я кивнул – коротко и еле заметно. Данко улыбнулся – еле заметно. Но я заметил.

Прежде, чем закурить, Данко посмотрел на небо – точно таким же резковатым движением он откидывал голову и вчера, и в понедельник, и на выходных, когда замирал возле окна на балконе. Потом я понял, что смотреть на небо было для него сродни какому-то ритуалу – уж не знаю, на удачу ли, но Данко следовал ему только в определенные моменты: в конце учебного дня, поздними вечерами, когда он возвращался домой после университетских дел, ночью – после того, как заканчивал писать свои бесконечные эссе по лингвокультурологии. Пристально вглядываясь в рваные клочки облаков, похожие на сладкую вату в автоматах Московского зоопарка, он как будто пытался зацепить свое внимание на чем-то одном, каком-то беспокойном объекте, который бы выделялся на фоне неба: это могла быть внезапно пролетевшая мимо птица, блестящий уголок крыла самолета, показавшегося из-за облака, убаюканная ветром листва, обрывок газеты, капля начинающегося дождя, ярко-розовый гелиевый шарик с золотой ленточкой – его взгляд цеплялся за эту минешь, а потом щелчок, и Данко вдруг оживал, его фигура теряла мраморную холодность, и тогда он лениво выхватывал сигарету, закуривал.

Сегодня Данко смотрел в небо совсем недолго – стоило мне моргнуть, как вдруг с крыши нависшего над нами подъезда сорвался какой-то пыльный комок бумажки, который угодил мне прямо в затылок. Данко довольно хмыкнул, зажимая губами фильтр сигареты; я возмущенно посмотрел в его блестящие от огонька зажигалки глаза.

– А ты везучий, – голос у него был неразборчивым; Данко выпустил серый дым изо рта и уже четче произнес, кивнув головой в сторону виднеющегося через дорогу крыльца университета, – Мне надо подождать Майю. Можешь не стоять у меня над душой, все равно я тебе больше ничего не скажу. Иди погуляй.

– Ты же мне *вообще* ничего не сказал, – я с раздражением вздохнул, – Мы буквально десять минут стояли в молчании. После того, как я задал свой вопрос.

Вечер уже сделался таким, что граничил по своему определению с ночью – похолодало, темно-синее, практически черное небо придавило низенькие московские здания к земле, а наш университет стал походить на громадный череп, по типу того, на который наступил Вещий Олег: молочно-белые стены и выступающий вперед массив неоклассических колонн – мощные челюсти и зубы, темные окна – глазные впадины. Стояли мы с Данко в сером дворике – возле какого-то антикварного магазинчика и табачной лавки, в которой противно звенел колокольчик каждый раз, когда кто-то заходил внутрь. Был слышен отдаленный гул загруженной дороги, но ярче, громче для меня звучало размеренное дыхание Данко, когда он выдыхал едкое облачко дыма, и стук капель с крыши подъезда – они были мутновато-серые, и разбивались о такой же серый асфальт, продолжая бесконечную цепочку серости.

– Я спросил, – мне пришлось продолжить, когда стало очевидно, что Данко так и будет молча курить, – О том, что случилось на репетиции. Как мне воспринимать твои действия? В них есть какой-то особый смысл или мне просто плыть по течению? Не уверен, конечно, что смогу тебе довериться, но пока что я не в больнице, а это уже достижение.

– Ты и так довольно доверчив, – Данко скосил на меня темный взгляд, – Если бы ты мне не доверял, ты бы не решился такое спросить.

– Нет, тут дело в другом, – я снял очки, чтобы протереть их уголком рубашки: от капель на стекле остались разводы; движения у меня сделались резкими и грубоватыми, нетерпеливыми, – Дело в том, что я не умею думать, прежде чем что-то говорить или делать. Не пытайся меня разглядеть через этот свой фокус собственного характера, это ерунда полная. Ты просил меня быть рациональным – что ж, не знаю, удивлю ли я тебя, но я так не умею и никогда не научусь. Все, что я делаю по жизни – это барахтаюсь в борще своих эмоций, и делаю я все на

эмоциях, и говорю сейчас тоже на них, потому что ты меня ужасно достал своим молчанием. Я задал вопрос, а ты развел философию. Сформулирую вопрос короче: ты на моей стороне или нет?

Мои слова, казалось, совершенно его не впечатлили – он молчал еще несколько минут, спокойно докуривая свою коричневую сигарету. Я подумал: если бы Данко был животным, ему бы подошла роль какого-то кита, который моргает раз в час и периодически всплывает ближе к поверхности, чтобы подышать.

– Не знаю, что тебе ответить, – Данко аккуратно затушил окурок и выкинул его в мусорку, – Я не на твоей стороне, но я и не против тебя. Считай, что у меня своя собственная сторона. Пока что я не могу рассказать тебе подробности. Скажу лишь одно: я несколько бессовестно тобой пользуюсь. Прости, что так получилось. Ты оказался отличным способом решить ряд моих проблем.

– Надеюсь, то, что ты мной пользуешься, принесет какой-то позитивный результат для нас всех?

– Чрезвычайно позитивный, – Данко кивнул сам себе: подумал, наверное, обо всех своих тайных замыслах, как серый кардинал в исторической драме. Ему бы подошел накрахмаленный воротник «мельничный жернов» и сережка в одном ухе; я моментально вспомнил живопись с курса истории искусства и представил лицо Данко на «Портрете ученого» Рембрандта: вот он застыл, сжав тонкими пальцами перо, и взгляд его выражает глубокое сосредоточение; знание, далекое и недоступное, горчит на языке, как будто он вдруг поймал его, но нет – оно юрко ускользает.

– Ну ладно, тогда пользуйся, – я пожал плечами, – Инструкции не прилагается. Кстати, а кто такая Майя?

Данко кивнул в сторону университета – я резко обернулся, уставился на светлую фигуру, застывшую на ступенях нашего массивного крыльца.

Это была она.

Если при первой встрече Данко произвел на меня впечатление колоссального горного массива, который своей тенью мог бы с легкостью вдавить меня в землю, то Майя оказалась совершенно иной стихией: как стремительный ветер, сгибающий низенькие степные кустарники в каком-то далеком, пыльно-желтом поле – уходящее все дальше и дальше за горизонт, оно бы продолжало звучать и шуметь этим бессмертным ветром. Может, это он игрался волосами Майи, когда она шла вперед по улице, к Данко – может, это был тот самый степной ветер, который преодолел сотни километров для того, чтобы застрять в белых кудрях Майи. Она не шла – летела по пешеходному переходу, но не потому, что была утонченной или обладала какой-то пресловутой женственностью, а потому, что ее улыбка рождала вокруг нее свечение, которое напомнило мне сияние глянцевых крылышек мотылька на свету маслянистой лампы – благодаря этому ее фигуру будто бы поднимало в воздух, она казалась вознесенной над серым асфальтом и уродливыми лицами черных луж, разводами бензина и грязными следами от шип, металлическим гулом трассы и ледяным светом электрических фонарей с засаленными козырьками. Помимо улыбки в ее глазах горел незнакомый мне азарт; такой яркий, живой, детский, как будто все происходящее вокруг казалось ей невыносимо интересной игрой, проигрыш в которой был далек до нее так же, как мне – вход в Александрийскую библиотеку.

– Вы парочка? – брякнул я, стоило ей зайти в наш серый уголок возле табачной.

– Я Майя, – она засмеялась: ее голос оказался скрипучим и шершавым как наждачная бумага, – А ты кто?

– Это Казимир, – Данко со вздохом взглянул в мою сторону; «Ты идиот», – читалось в его глазах.

– Приятно познакомиться, – я пожал девушке руку; ладонь у нее была сухой, на пальцах сидело по три-четыре металлических кольца. – Извини, что так с порога личные вопросы задаю. Но если я вам порчу свидание, то пойду.

– Судя по взгляду Данко, ты пойдешь кое-куда в любом случае, – Майя снова засмеялась; от улыбки вокруг ее глаз образовались приятные морщинки.

– Нет, мы не пара, – сухо брякнул он, резко отводя взгляд от Майи, – Мы состоим вместе в эко-клубе.

– Я не самоубийца, чтобы строить отношения с Данко, – девушка подмигнула мне с таким видом, словно я знал о чем-то важном, что витало в воздухе, но никто не решался это произнести.

– Ну да, – я с опаской покосился в его сторону, – Характер у Данко не сахар.

– Да я не про это, – Майя расплылась в осторожной улыбке; я заметил, каким острым, серьезным сделался ее взгляд, стоило ей посмотреть на побледневшего Данко. Молчание наполнилось неуютным напряжением, а смех Майи – неловкостью; она поджала губы, поймала мой недоумевающий взгляд и, видимо поняв, что спасти ситуацию придется именно ей, с деланным весельем произнесла: – Собственно, мы договорились встретиться, чтобы обсудить вопросы клуба. Казимир, не знаю, можно ли тебе присоединиться? В принципе, ничего такого в этом не будет...

– Май, прости за эту абсурдную ситуацию, – голос Данко не предвещал ничего хорошего: тихий, чересчур четкий, вежливый до скрипа зубов, – Но не могла бы ты подождать меня в кафе? Я приду минут через десять, и мы обсудим все вопросы.

– Хорошо, – Майя покосилась в мою сторону, – Тогда я пойду.

О, лучше бы она не уходила – как бы я хотел, чтобы она побыла упрямой и осталась стоять на месте, не слушая просьбы Данко. Но она ушла – шаг у нее был легкий и быстрый, лужи под ее ногами лопались и рассыпались грязными брызгами, пачкая ее светлые джинсы, и я смотрел на затянутые в белые носки шиколотки, должно быть, неприлично долго, пока над ухом у меня не прозвучал резкий щелчок – это Данко сделал пальцами. С неохотой я посмотрел на него: бледное лицо краснело отблеском задних фар проезжающей мимо нас машины, в глазах звенели осколки фонарного света, желто-серого, как задняя сторона желтка в вареном яйце. Никакой яркой эмоции, никакой подсказки – как реагировать, чего ожидать. Тихий забавный голосок колокольчика в табачной долетел до нас приглушенным и слабым хрипом – вот-вот оборвется, замолкнет. Мне сделалось не по себе.

– Я ведь просил тебя не лезть в мою жизнь, – вдруг заговорил Данко; голос у него стал каким-то скрипучим, как будто сосулькой водили по асфальту. На щеку мне прилетела капля дождя, бойко шлепнулась о кожу, медленно заскользила вниз – я не стал ее вытирать, двигаться мне не хотелось. Данко медленно начал обходить меня по кругу, как зверушку в вольере: – Я просил так мало, но ты совершенно ничего не исполнил. Делаешь все наоборот.

– Я вроде стараюсь.

– Стараешься делать все наоборот? – Данко остановился, уставившись в мой профиль введливым взглядом. – Это я уже успел заметить.

– Что такого в вопросе, встречаешься ли ты с Майей? – я понимал, что ступаю на очень тонкий лед, но терять мне было практически нечего. Данко и так был зол. – Можно сказать «нет», и замять ситуацию. Можно сказать «я не хочу отвечать», и я не стал бы приставать. Ты зря драматизируешь.

– На то есть причины, – Данко стиснул зубы, – Если я себя так веду, значит это не просто так. Я просил тебя не лезть. Ты полез. Моя реакция вполне естественна.

– Не естественна, – ситуация стала выводить меня из себя, и я не особо старался скрыть свое раздражение, – Ты ведешь себя странно. Обычно люди себя так не ведут, когда их спраши-

вают про отношения. Мне кажется, ты явно скрываешь какую-то собственную травму, которой очень стыдишься. Либо они, эти отношения, плохие, либо они...

– Заткнись, – вдруг четко произнес Данко прямо мне в ухо, – Просто заткнись.

– Значит, я угадал, – несмотря на то, что кожей я мог почувствовать тяжелое от злости дыхание Данко, мне показалось, что отступить не имеет смысла – лучше довести ситуацию до кипения, чем бросить все так. Легко улыбнувшись, я повернулся лицом к Данко, – У тебя ужасные отношения. Поздравляю!

Какая-то странная надежда внутри меня зудела о том, чтобы Данко все-таки ударил меня – сделал бы то, чего ему хотелось осуществить уже очень давно. Может быть, напряжение между нами бы снизилось, и я бы перестал видеть его в таком противоречивом свете, но он вновь предпочел остаться на стороне серого – не занимая ни белую, ни черную позицию на шахматной доске. Не плохой и не хороший. Не добрый и не злой. Не жестокий и не милосердный. Проще было бы, будь он плохим, жестоким и злым – мы бы подрались, упали бы в грязную лужу, принялись бы кидаться друг в друга нелепыми ударами, случайно разбили бы мои очки, и мелкие стеклышки впились бы мне в ладони. Но Данко промолчал.

Потом я часто вспоминал взгляд Данко – то, каким чистым и ясным он вдруг сделался, то, насколько откровенно в нем заиграли эмоции; я практически смог увидеть картинки воспоминаний, которые промелькнули в его голове. Казалось, затянишь этот момент подольше, и я бы оказался внутри его разума: невольный наблюдатель чужого несчастья. Это сделалось очевидным – то, что Данко был заложником какой-то горькой, отравляющей его любви, о которой даже говорить и думать ему было тошно. Мне стало совестно; я отвел взгляд.

– Прости, – я нашарил замерзшей ладонью колючий карман собственного пальто, спрятал там пальцы, принялся нервно дергать короткие ворсинки ткани, – Не стоило так говорить.

– У тебя еще будет хорошая возможность позлорадствовать, – совсем тихо произнес Данко, с горечью делая шаг в сторону от меня: как будто окончательно разочаровался, – Когда она вернется, я лично вас познакомлю. Может, ты ее очаруешь лучше меня? Станешь отличной заменой. Веселый, сообразительный и бесстрашный. Скажешь ей такую пламенную речь, что она все прекратит, прикажет: «Больше мы не будем организовывать издевательств над студентами вечернего отделения, Казимир меня убедил в том, что это аморально»!

– Ты говоришь лишнее, – ухватившись пальцами за торчащую внутри кармана нитку, я потянул ее, – Теперь я знаю, что ты в отношениях с девушкой, которая главная в «Верхушке».

– Рано или поздно ты бы все равно об этом узнал, – сухо бросил мне Данко; он снова потянулся за сигаретой, резковато щелкнул зажигалкой, со второй попытки зажег слабый огонек, и в его свете стало отчетливо видно, как дрожат у него руки: легкий, но вездливый тремор, – Ты мог узнать при более приятных обстоятельствах, если бы не был таким любопытным и заносчивым.

– Ничего ужасного не случилось, – слова подбирались неохотно, нужные буквы со скрипом становились на свои места, царапая язык, – Правда, не случилось. Даже то, что я узнал при таких обстоятельствах... Ну, в целом «обстоятельства» были не такими плохими. Могло быть и хуже. Это болезненная для тебя тема, мне не стоило над этим смеяться и как-то пренебрежительно себя вести. Извини. Просто все равно так убиваться не стоит, раз уж так вышло. Я был на эмоциях, и ты тоже, – Данко резко выдохнул, с раздражением посмотрел мне в глаза, и я понял, что он хочет, чтобы я замолчал, – Да, ты тоже был на эмоциях, это факт. Сейчас ты тоже на эмоциях. Сколько бы ты не говорил про свою пресловутую рациональность, в тебе иррациональности не меньше, чем во мне. Разница между нами лишь в том, что ты свою эмоциональность прячешь и винишь себя, когда идешь у нее на поводу. А я – делаю все ровно наоборот, и отлично себя чувствую. Показывать эмоции, доверять интуиции, быть в гармонии со своим сознанием – это далеко не слабость и не проблема. Ты, наоборот, становишься сильнее, когда действуешь в согласии и с разумом, и с тем, что немного выходит за его пределы.

– Понятно, – хмыкнул Данко, зажимая между губ сигарету.

Мы помолчали. Наверное, я зря поддался философскому порыву, но напряжение между нами, казалось, ошутимо спало. Я вслушался в тихий стук слабого дождя – одна за другой капли срывались вниз с крыши подъезда, лениво чертили русла по серовато-желтому бетону дома. Не зная, чем себя занять, я придавил большим пальцем ползущую по стене каплю. Как мелкого жучка.

– Ты не тот человек, с которым я бы хотел обсуждать свои отношения в таком контексте, – тихо произнес Данко; его голос практически слился со звуком прекращающегося дождя, – Я бы вообще не хотел, чтобы ты о них узнавал раньше времени. Это не та тема, о которой этично разговаривать.

– Но тебя ведь явно что-то беспокоит.

– Беспокоит, – Данко выпустил изо рта терпкий дым, – И все-таки я не могу позволить себе жаловаться на это.

– Не обязательно жаловаться, – я пожал плечами; мимо нас, по двухполосной дороге проехала машина, и красноватый цвет ее фар снова окрасил лицо Данко в розоватый оттенок, – Можешь просто рассказать что-нибудь. Например, как давно вы вместе?

– Зачем тебе такое знать? – Данко недружелюбно покосился в мою сторону.

– Это не мне надо, – я подождал, пока Данко затушит сигарету, – А тебе. Если долго не рассказывать о том, что вызывает у тебя сильные эмоции, потом будешь страдать от... Пере-насыщения. Не знаю, это как отравление от алкоголя. Долго пил, было приятно, а потом стало плохо. Ладно, это не то, чтобы удачный пример. Вот другой: ты съел пять кусочков морковного торта, тебе было вкусно, а потом у тебя началась аллергия.

– И в чем мораль? – Данко приподнял брови; в его взгляде скользнула добрая насмешка, – В том, что мне не стоило есть вовсе? В том, что мне нужно было кому-то рассказать о том, что я съел пять кусков торта, и тогда мне бы стало полегче? Хорошо, не хмурься так, я тебя понял. Возможно, ты прав. Я ни с кем не обсуждаю отношения. Соглашусь с тем, что это не совсем здоровый подход. В конце концов, ничего не изменится, если ты узнаешь, что мы встречаемся пять лет.

– Это большой срок, – я с благодарностью взглянул на Данко, – А как вы познакомились?

– Учились вместе в гимназии, – Данко опустил голову; темные волосы закрыли половину его лица, и он вдруг показался мне таким уязвимым – словно, задень я его плечом, и он бы расплакался, – Были в одном классе. Сначала не особо друг друга любили, слишком уж разные у нас характеры. Потом стали ходить в один кружок по рисованию, и там познакомились поближе, стали дружить.

– Ты рисуешь?

– Угу. Но уже нет. Не хочется. Потом она уже перестала ходить в кружок, была занята подготовкой к другим предметам. Я продолжил заниматься рисованием, хотел поступать в архитектурный. Не знаю, зачем так сделал, но в какой-то день я решил бросить кружок, чтобы в это же время ходить на дополнительные занятия по английскому – потому что она тоже на них ходила.

Тут Данко замолчал, как-то отрешенно посмотрел на меня – словно только что вспомнил, что я стоял рядом. На макушку мне прилетела крупная капля: я бы вздрогнул, тряхнул головой, но мышцы сковало болезненной сосредоточенностью. Боясь спугнуть откровенность Данко, я стоял, практически не дыша.

– Мы читали диалог между лордом Генри и Дорианом, – Данко отвел взгляд; голос у него стал хриплым, и почему-то я вдруг понял: то, что он рассказывает, было самым важным для него воспоминанием. Каждая деталь в его рассказе имела не переоцененную значимость, – Читали по ролям. Я был лордом Генри.

Больше ничего Данко не сказал: он затих, как оборвавшийся колокольчик на двери в табачную. Небо уже сделалось черным, острой дугой очертилась Луна, холодный ветер взъерошил мне кудрявые волосы на затылке, а Данко все стоял, уставившись куда-то в сторону – смотрел туда, где серая подворотня уходила в мрачный дворик с косыми лавочками; там никого не было, только дрожал от ветра зеленый мусорный бак на ржавых ножках. Осознание чего-то важного билось в моей уставшей голове, раздражало мысли, но я, как застывший во времени ученый на портрете Рембрандта, все никак не мог уловить эту важную деталь – что было не так? Что было принципиально новым?

– Меня ждет Майя, – вдруг подал голос Данко, – Я уже сильно задержался.

– Ладно, – кивнув, я нащупал дубликат ключей от квартиры Данко в кармане своих брюк, – Тогда я сразу домой. Полить аглаонему в моей комнате?

– Да, пожалуйста, – во взгляде Данко скользнуло легкое удивление: наверное, он не думал, что я запомню название растений в его квартире.

Больше я не стал задерживаться. Когда я был готов ступить на пешеходный переход, Данко меня вдруг окликнул – и я обернулся.

– Спасибо, Казимир, – прочитал я по его губам.

Я широко улыбнулся. Уже потом, пару дней спустя, я разучился так искренне улыбаться.

Глава 5. Расколотый надвое

После дождя в воздухе проснулась небывалая для сухих московских дворишков свежесть; университет мой был прямо в центре, и рядом извечно шумящая трасса приносила с собой оседающий горечью на языке запах бензина и пыльных шин. Теперь стало по-настоящему свежо, и ворчание машин наконец стихло. Переходил улицу я не спеша, каждое мгновение тратя на то, чтобы насладиться горьковатым петрикором.

Помню, рядом со мной, по блестящему шероховатыми выбоинами асфальту пронесся здоровый автобус-гармошка, запыхтев, как старый моряк с трубкой из какого-то советского мультфильма, а потом мне открылся вид на другую сторону дороги. Мои ноги сразу же приросли к земле, стоило мне уловить этот темно-красный оттенок – как у спелой черешни, бойкий и азартный. Таким был цвет волос Евы. Последний раз, когда я ее видел, был в тот злополучный день – теперь он казался мне невероятно далеким как бесцветные разводы на старых гляцевых фотографиях в бабушкином альбоме. Осознания того, что спустя невыносимо долгое время удача наконец улыбнулась мне, придавило меня к земле, и я стоял как истукан – ни пошевелиться, ни подать знак, ни крикнуть, хрипя взволнованным голосом «Эй! Это я!». Скрючившийся надо мной фонарь вдруг заморгал – должно быть, именно это заставило Еву повернуться в мою сторону. Когда наши взгляды встретились, меня пронзило ледяным страхом – я не должен был контактировать с ней, мне стоило уйти немедленно, сделать вид, что узнавание в моем взгляде было ошибочным. Мимо нас, заставших по разным сторонам тротуара, проскочил рысцой низкий «Порше», прогудел двигателем и рванул – вперед, ближе к мосту. Прошли какие-то жалкие секунды, а я успел в голове написать настоящий философский трактат в духе Достоевского или какого-то раннего экзистенциалиста вроде Камю: стоила Ева того, чтобы я ради нее жертвовал своим спокойствием? Стоила Ева той откровенной исповеди Данко? Перебежать через дорогу, закричать что есть силы, позвать на помощь, вырваться из этого вязкого паучьего плена – это было легче простого, и я мог бы спрятаться у Евы, мог бы связаться через нее со своими родителями и полицией, мог бы забрать документы и никогда больше не возвращаться в это место, навсегда забыть покрытые трещинами зеленые стены и паркет, гулко вибрирующий под мартенсами. Но мне вспомнился исцарапанный отчаянием взгляд Данко, тремор рук и слова, честные, живые, острые как уголки разбитого стекла. Стоила ли Ева того, чтобы я предавал Данко? Не знаю, откуда в моей голове взялась эта мысль – она вдруг выскочила как черт из табакерки, ни с того ни с сего. «Данко я доверяю больше, чем Еве», – вот

как звучала, пела она, эта странная мысль. Попытавшись ее проверить на прочность, я обнаружил вдруг, что идея эта была настолько же искренней и правдивой, насколько небо – темным. Наверное, весь спектр моих переживаний как-то отразился на моем лице, потому что Ева вдруг двинулась с места; прежде, чем уйти за угол дома, она еле заметно кивнула мне с легкой улыбкой – мол, я поняла тебя, я все увидела. Пока некрасивый стыд и тоска не охватили меня окончательно, я сорвался с места и быстро зашагал вверх по улице – туда, где проходила дорога к дому. Нужно было уйти, пока неуверенность не заставила бы меня вернуться обратно.

Данко пришел только в двенадцатом часу ночи и был нисколько не удивлен, застав меня сидящим на кухне с тяжелой чашкой толстого фарфора в одной руке и черно-коричневым бутербродом – в другой. Самому мне сделалось отчего-то стыдно, и я прекратил жевать, ожидая чего угодно – упрека, раздраженного вздоха, презрительного взгляда, – но для меня стало удивительным то, что Данко вдруг сел на стул напротив меня, молча и торжественно. Стол, казалось, затрепетал от обрушившейся на него ответственности – теперь он был единственным предметом, который остался стоять между нашими противоположными полюсами характеров и останавливал их от катастрофического столкновения. Кухня была вся оплетена нитями ласкового оранжевого света от скромной люстры в потолке с облезлой, покрытой ласковыми трещинками лепниной, и холодные лучи фонаря, пронзая окно насквозь, капали мне прямо в кружку: вода в ней серебрилась как железная чешуя на латах. Один такой луч косою проходил по лицу Данко, разрезая его поперек – на переносице свет изгибался, потом утопал в тени его волос на виске. На улице, в маленьком дворике перед подъездом – там стояла торопливо покрашенная в бежевый цвет лавочка и типичный зеленый мусорный бак, возле которого всегда вертелись бездомные кошки – остановилась машина и теперь низко гудела: басисто из нее доносились мелодии 80-х годов, которые я никогда толком не слышал, но все равно мог узнать, как колыбельную матери.

– Все-таки, – Данко подвинул пиалу с печеньем так, чтобы она стояла ровно по центру стола, – Я решил рассказать тебе чуть больше, чем ты знаешь. Подробнее о том, как именно я тебя... использую.

– Как хочешь, – мне стало неловко, захотелось встать со своего места и уйти, запереться в спальне. Было ли мне это нужно, знание о том, чем занимается Данко на самом деле?

Какое-то время мы молчали. Сидящий напротив меня Данко выглядел напряженным, линия его губ сделалась белесой, тонкой, а переносицу расчертила некрасивая морщина задумчивости – наверное, он все еще сомневался в правильности своего поступка. Довериться практически незнакомцу – уверен, любой бы на его месте испытывал сомнения.

– Я подозреваю, что ребята с репетиций замешаны в чем-то, – наконец заговорил Данко, – И у меня есть основания полагать, что это намеренно скрывается от меня. То, что благодаря твоему приглашению мне удалось подобраться к ним ближе – невероятная удача. Но одной удаче недостаточно. Мне нужно, чтобы ты посетил их закрытую встречу, узнал о них как можно больше (чем они занимаются, как получили особое разрешение на репетиции вечером, какие у них отношения с Верхушкой), а потом сообщил все это мне. Я хочу, чтобы ты работал на меня. Зачем тебе это делать? Все просто – потому что я собираюсь прекратить издевательства над студентами вечернего отделения. Я пытаюсь сделать это уже очень давно, но долгое время у меня были связаны руки. Сейчас, пока *ее* нет, я должен наконец действовать. В твоих же интересах помогать мне, Казимир.

– Поэтому ты дал мне с ними познакомиться, – кивнул ему я, – И поэтому ты меня терпел все это время.

– Просто сходи на их встречу, – с долей нетерпения прервал мои размышления Данко, – Я сделаю так, чтобы в коридоре никого не было в этот момент. Ты ведь поговорил с ними, тебе сказали время и место?

– Суббота, восемь вечера, сорок девятый кабинет на первом этаже.

– Отлично, – Данко облегченно вдохнул: наверное, подозревал, что я не узнал ничего дельного, – Ты молодец. Поговори там со всеми, но не болтай лишнего. Веди себя как обычно.

– Обычно я болтаю лишнее.

– Значит, – мне сделалось смешно от того, каким напряженным и обеспокоенным сделалось лицо Данко: как будто он правда начал разрабатывать новый план, – Будь более напряженным. Неловким. Все-таки, ты оказался в новой компании. Как ты себя ведешь, когда попадаешь на вечеринку, где никого не знаешь?

– Ухожу домой? – я задумался, – Возможно, много пью и ни с кем не разговариваю? Не сказал бы, чтобы я был любителем вечеринок. Но вообще, Данко, послушай: из меня никудышный шпион. Четное слово, если мне нужно притворяться или обманывать кого-то, я веду себя далеко не как Ди Каприо в «Поймай меня, если сможешь». Я становлюсь его прямой противоположностью. Меня, наверное, раскроют за десять секунд.

– Им незачем тебя подозревать. Скорее всего, на тебя даже не особо обратят внимание.

– А как мне объяснить то, что я смог оторваться от тебя?

– Скажи, что мне позвонили, и ты успел увидеть на экране моего телефона номер, который заканчивается на «0325», – Данко лениво повертел в пальцах овсяное печенье, крошки сиротливыми пятнышками упали на стол. – Тогда никаких вопросов к тебе не будет. Я отошел, долго разговаривал, и ты убежал. А пришли мы в субботу, потому что у меня были дела в эко-клубе. Мы там задержались, ты помогал рисовать мне плакат, – тут Данко выхватил из кармана своих брюк не пойми откуда взявшийся фломастер и, напугав меня, перегнулся через весь стол, чтобы резко начертить кривую линию, проходящую через все мои пальцы на правой ладони, – Рисовал ты его довольно неуклюже, испачкался.

– Предупреждай о таком, – растопырив пальцы, я уставился на жирную красную линию от фломастера на своей коже; несмотря на мой обиженный вид, Данко выглядел довольным как слон, – Я мог бы и сам взять у тебя фломастер и сделать все аккуратнее. Откуда у тебя он вообще взялся? Ты в карманах носишь межпространственный мешок?

– Хотелось тебе насолить, – неожиданно выдал Данко, – Можешь смыть, вышло не очень правдоподобно.

«Насолить», – казалось, ему самому сделалось непривычно от ощущения этого простецкого слова на языке. Смысл, который вкладывался в само это выражение, совершенно никак не вязался с его характером; мне бы в голову никогда не пришло, что Данко захочет надо мной подшутить – тем более, так нелепо. Ситуация не особо располагала к веселью, но теперь вдруг мне сделалось смешно – коротко рассмеявшись, я поднялся с места и ушел к раковине, включил воду и легко стер фломастер с пальцев. Красноватая вода тонкими дорожками начала стекать вниз по белому покрытию. Не знаю, почему, но мой взгляд зацепился за это ненавязчивое движение, и вдруг меня всего пробрало ледяной дрожью, на языке осела паника – это был совершенно беспочвенный страх, но такой сильный, что на мгновение меня будто парализовало, мышцы в теле стянулись сухими узлами, кости размякли, но я был уверен, что останусь стоять таким истуканом целую вечность, пока Данко не толкнет меня случайно локтем – тогда я рассыпался, раскололся бы как хрупкая ваза. Мой испуг быстро прошел. Когда мне наконец удалось моргнуть, приходя в себя, красные дорожки воды уже уползли в слив раковины. Теперь она была чистой, белой, но на руках мне по-прежнему казался ощутимым зуд – прямо там, под этими линиями фломастера.

Пыльный след от моего ботинка так и остался лежать поперек трещины в сером бетоне пола на первом этаже. Коридор разевал передо мной темно-зеленую пасть. В этой зелени вязли ноги, но я не мог остановиться – кабинет был так близко, что я видел извивающийся змеей отблеск на позолоченной ручке двери. Пальцы тянулись ухватиться за нее, хотя страх посте-

пенно начинал брать надо мной и моим телом вверх – настоящий паразит, засевший в мозги. С минуту волнение и неуверенность тянули меня назад, к выходу из университета и прохладе весеннего вечера, к круглосуточной кофейне на углу улицы, к дворику при доме Данко. Под закрытыми веками мне виделись светло-зеленые листья растений, стоящих на подоконнике в гостиной: плотные линии жилок, пробивающийся сквозь них теплый солнечный свет, и блики на кухонном столе от стеклянного чайника с бурой заваркой на его дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.